

Фонд поддержки независимого
книгоиздания

Живая литература

*стихотворения из лонг-листа премии
сезон 2010-2011 гг.*

Москва
2011

УДК 821
ББК 84 2 (Рос=Рус) 6-5

Живая литература.

Стихотворения из лонг-листа премии. –

М.: Э.РА, 2012. – 168 с.

Подготовка публикации – Андрей Пустогаров

Оргкомитет премии благодарит
Михаила Григорьевича Ромма (Сан-Диего)
за финансовую помощь в издании этой книги

Инициаторы проекта:

Литературный сайт «Подводная лодка»:
<http://gufo.ru>

Издательство Э.РА
<http://www.era-izdat.ru>

Клуб «Последняя среда»
era-izdat@mail.ru

ISBN 978-5-905693-09-0

© Авторы, см. Содержание, 2012

© Издательство Э.РА, оригинал-макет, 2012

Вместо предисловия

Премия «Живая литература» учреждена издательством «Э.РА», сайтом «Подводная лодка» и литературным клубом «Последняя среда». Смысл премии, по мнению ее организаторов, содержится в самом названии. Живая литература – то есть способная к развитию, к порождению действительно нового, определяющего собой будущее. Такая литература противостоит так называемому «литературному процессу», который при поддержке крупных издательств, «толстых» журналов и окормляемых ими литературных фестивалей и премий направлен на культивацию бессмысленности в искусстве, на тиражирование лишённых содержания штампов и клише.

На соискание премии принимались произведения здравствующих поэтов и переводчиков. Согласие автора не требовалось.

Из присланных на конкурс произведений голосованием оргкомитета были определены лонг-листы в обеих номинациях – «ПОЭЗИЯ» и «ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ» – в которые вошли тексты поэтов и переводчиков из России, Украины, Армении, Финляндии, ФРГ, Португалии и Израиля. Этот корпус текстов опубликован на сайте премии <http://lname.ucoz.ru/> и, по мнению организаторов, и представляет собой главный ее результат – свидетельство существования в наши дни действительно живой, значительной, способной заинтересовать читателя литературы.

Шорт-лист определялся голосованием жюри, которое было сформировано из давших на то свое согласие участников лонг-листа премии. На этих двух этапах имена участников конкурса не раскрывались, с той целью, чтобы оценивались

Живая литература

только сами тексты, а не заслуги или репутации авторов. Затем совместным голосованием жюри и оргкомитета премии были определены лауреаты:

в номинации «ПОЭЗИЯ» им стал Илья Трофимов,
в номинации «ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ» – Юрий Денисов.

Илья Трофимов

лауреат

Морем кажется

Собака отпрыгивает от волны.
Ребёнок не слушает
Тишины.
Горизонт нарисован
Карандашом
На белом листе
Ни маленьком, ни большом.
Воды не касается ветерок —
Где-то ходит Илья Пророк.
Или
Мысль о тебе одной
Морем кажется,
Тишиной,
Злым ребёнком,
Бродячим псом,
Затупившимся карандашом?

***

Приезжаешь
В город такой –
Машет Ленин
Тебе рукой.

И звучит
Ручейками речь –
И не слушай,
И не перечь.

Ходят по двое,
Носят
По полсвињи –
Не разберёшь их,
Свои,
Или не свои.
Но когда
Приоткроют дверь,
Станет страшно тебе,
Поверь.

А потом
Поглядишь с моста
И полюбишь эти места...

Там прозрачна, как сон,
Вода,
Побежавшая
Выше льда.

26 марта 2010 г.
Боровск

***

Изысканные
Двигутся суда.
Картина вод.
Воспитаны и ловки,
Как облаков
Кудрявые головки,
Позёвывают ангелов стада.
Автобус,
Убивающий стрижа.
Возможно ли
Сближенье роковое
В присутствии
Небесного конвоя?
О чём вздыхают
В небе сторожа?

***

Тем, кому наскучили пирушки,
По определению знаком
Час,
Когда купаются старушки,
Смуглые,
Как кофе с молоком.
В этот час
Видны как на ладони
В дымке розовой
Плывущий теплоход,
Храма силуэт на неба склоне,
Юноша,
Собравшийся в поход.
Я не знаю:
Утро или вечер...
Важен только
Бледный этот свет,
Эти неразборчивые речи,
Этот вознесённый силуэт.

Её нетленная душа

Наш кот уходит в магазин.
Он любит продавщицу Зину
И от хозяина-грузина
Там прячется
Среди корзин.
Грузин извелся от тоски.
По-своему он любит Зину
И иногда
Одну корзину
В сердцах ломает на куски.
А Зина – что ж?
Всегда на месте –
И молода,
И хороша...
Каких-то тайных ждет известий
Её нетленная душа.

***

Тень города
Повешена за хвост –
Февраль уже потребовал прибавки.
Дворняги где-то
Брешут у заправки,
И небо спину выгнуло, как мост.
Бесцельная прогулка хороша,
И сердце
Детской слабости боится.
Смеётся над потерями душа,
Скрипит мороз,
И можно простудиться.

***

Осень –
Чёрная девка зимы.
Полукровка,
С ольхою осинник,
Чёрный глаз,
Зачарованный синим,
Приношение тьмы.

Упражнения в пейзаже

Камни голые, как слова судей,
Твёрдые, как простые дела,
Тропинки, пересекающие холмы,
Летит пчела.
Хозяйка в сених отрубает голову петуху –
Слова перекатываются во рту,
За кустами что-то несёт вдова,
Отрезавшая голову мужику.
Женское естество шепчет в траве. В лице героини
Определённость линии рта.
Хвост кота.
Слава, и ныне.

август 2010 г.
Беломорск

***

Открывается рот тишины,
И весна, как младенец, беззуба,
В редких рощах слова не слышны,
И видны полосатые трубы.
Словно мел
В неумелой ладошке,
Так легко коротается век.
Незнакомый идёт человек,
И бесстрашные движутся кошки.

***

Скучает стая быстрокрылая ворон.
И речка спит.
И спит в избе Харон.
И смерти нет –
Сегодня воскресенье.
И Пасха ранняя –
Осталось полпоста.
До станции
Всего одна верста,
И солнцем мартовским
Обещано спасенье.

7 марта 2010 г.

***

Облака, приходящие с юга,
И небес молоко
В этой местности грубой
Достаются легко.
На траве
Руки ветра,
Руки ветра в траве,
Дятел трогает ветки
У ветлы в голове.
Слепнут дни,
Дремлет пустошь
До ночных костерков...
И насыпаны густо
Крылья майских жуков.

***

В садах побрѣхивает
Вечер.
Слегка попыхивает
Запад.
Ну, разумеется,
Как свечи...
Но нет,
Не линии,
А запах.
А говорят –
Улыбка года...
Горит камыш.
Дорога стынет.
И ветер, дующий на воду,
Нас не покинет.

***

Та, что молчит,
Сделана из ребра.
Осень стучит
Яблоками по дну ведра.
Голые ветки к морю
Протягивает Кореиз,
И нету прямой дороги
Ни вверх, ни вниз.

***

Архистратиг
По небу проходил.
Не чиркал спичками,
Не задавал вопросы.
Случалось и ему,
Коль не хватало сил,
Прикуривать
От папиросы папиросу...

Горит светила малое пятно,
Расцветен край небес, –
Разомкнутые крылья
Полмира облегли.
Напрасны ли усилья?
Или ему
Сегодня всё равно?

***

В минуты эти
Нечего сказать, —
Такая красота безгласна.
Она — не женщина,
Но всё-таки опасна,
Когда начнёшь внезапно
Замерзать...
Вблизи Москвы
Так много дачных мест:
Поля исхожены,
Леса полуживые...
Вот руны топора,
Порезы ножевые...
Но, кажется, всё вымерло окрест,
Когда «мороз и солнце»...
Минус двадцать!
И угораздило же нас
Сюда сорваться!
Такие вылазки, —
Излюбленный наш крест.
Мы помолчим.
Малейший звук
В минуты эти кажется мне страшен.
Светило в дымке —
Страж замёрзших пашен.
И где-то бродит сторож
Этих мест...

Алексей Зарахович

***

По рукам реки
Пробегают дрожь
Рукава реки
Зачерпнули дождь

Зачерпнули сад
И в саду теперь
Пьяный виноград
Вольная форель

По течению вниз
По течению вверх
Виноградных слез
Непечатый смех.

***

Эта нежность на изгибах рук
Эти руки – и не крылья вовсе
Прямо к солнцу движется паук
По пути разматывая солнце

Паучок, четыре лапки, след
От луча на стершихся коленях
Снизу мир блестит в изгибах рек
Золотом расплавленного клея

***

Тополиного пуха медлительный снег
На себя не похожий
Ни тебе снеговик
ни тебе человек –
Просто вымысел божий
И от этого вымысла всё хорошо
Всё беспечней ненужность
Словно сердце в холодную воду вошло
И нырнуло поглубже
И на месте его – пустота
По краям предместья
Мост растёт на крови. У моста
Машет удочкой детство
Если влево кивок, то чехонь
Если вправо, то жерех
...Всё ты взрослая гладишь ладонь
Завоёванный берег

Черновик

Слов не разобрать – остался почерк
Синева разъединенных губ
Камышовый люд
И люд проточный
Выпускают озеро из рук

Вот оно, летящее изнанкой
Перевертышем сквозь пальцы,
Как сквозь сеть
Что там рана –
Так, сквозная ранка
Будет жить, коль трудно умереть

Вот оно, колеблемое ветром
Воздухом, уткнувшимся в плечо
В полукружье желтого рассвета
Шепчется: еще, еще, еще...

Милая, мы сбьлись этой ночью
Мы друг друга взяли на испуг –
Камышовый люд и люд проточный
Нас с тобою выпустил из рук

***

Помнит река свои заливные луга
Кровь моя, где же твои заливные луга
В пойме, где оттиск воды и зачитанный брод
Кровь моя, ищет тебя камышовый народ
Стать бы рекой ты могла, если б вырезать дно
Как вырезают в стене голубое окно
Как вырезают из горла фальшивую медь –
Кровь, что свернулась, что больше не учится петь
Как же не петь, как не славить свои берега?
... Кровь моя, где же твои заливные луга

***

В этой реке невысокой на вид
Два или три этажа без подвальных
Слышишь, звенит колокольчик трамвайный
Слышишь, уже не звенит, не звенит
Сколько же вечности этой на вид
Как посмотреть, если с лодки, то много
Светишь фонариком – длится дорога
Путают вёсла сигнальную нить
Если с моста осторожно, слегка
Только взглянуть, так чтоб капля зрочка
Не соскользнула в своё отраженье
Видишь – себя повторяет движенье
Круг на воде продолжает кружить
Может быть рыба? Всё может быть...

***

Два берега соедини
Река весеннего завета
Чтоб сухогрузы наше лето
На Бабье озеро свезли

Да не растают снегири
И сосны и земля под ними
Вот только на круги свои
Пловец не выплывет отныне

И мы услышим – тишина
Такая долгая, как нота
Что взята с высоты моста
Звучит, не требуя полета

Два берега соедини
Две ночи, что вовек бессонны
Река, да будут твои волны
У основания земли

Два берега соедини

Выбор

2

Украина, ты ждешь стихов
Ждешь веселых до срока дел
Очарованных чумаков
Переливчатых женских тел
По Днепру за степной лиман
Пересыпется чешуя
Ходит рыба-налим в капкан
Есть у рыбы-налим стезя
Мимо черных ям, что ко дну
Мимо синих гор, что все дым
Украина, тебя одну
Научился любить налим
И покуда его несут
На плечах своих рыбаки
Видит родины красоту
Видит сети и челноки
Украина, каких врагов
Ждешь до срока, считая дни? —
Ходит рыбы налим остов
Гладят рыбу налим угли

3

Любимая, так холодно – апрель
Играет солнце в зайчика и волка
И с жизнью продлевает канитель
И кажет звезды на краю колодца
Вот звездочет – зачем он среди звезд
Вне отдалений и скупых расчетов
А вот поэт – зачем он не поет
В предверьи чувств, в предчувствии полета
Любимая, не мне тебя будить
Минуют не года – минуют жизни
Отчизна, но какая из отчизн
Отчизн так много, остаются числа
И длится ночь... На линии одной
Луна и ты, и никакой преграды
Заламывая мир над головой
Вышагивать у мира за оградой
Что выбор мой, когда повсюду ты
Украина, окраина Орды

Ольга Ильницкая

***

Где волны лижут по-собачьи
сухие пальцы берегов,
чужая птица часто плачет
над влажным шорохом шагов.
Мне это место всех дороже.
Здесь неподвижны небеса.
Здесь спит на осторожном ложе
морская зябкая коса.
И здесь я вижу над водою
фигуры в светлых облаках.
Но солнце белою рукою
их превращает в тлен и прах.
Я родилась с печалью острой.
Мне девяносто лет и дней.
Я скоро буду в море остров.
И стану – луч среди теней.

***

Море знобит. Небо давит на горы и годы.
Дышит земля застоявшимся воздухом злым.
Холодом ночь подгорчила целебные воды.
Их, как микстуру, глотает простуженный Крым.

Белого света достанет на всех, кто устал.
Всех, кто в пути отходил и желанья, и ноги.
С каждой петлей симеизской летящей дороги
каменной Кошки пугающий вижу оскал.

В хищном разломе застыла татарская мышь.
Крымская память – как стены без окон и крыш.

Март

Вновь мартовской капелью
Пропитан воздух синий,
Из точек состоящий
И закруглённых линий.

Небес набухли двери,
В сугробах зреет плеск.
Как шерсть на мертвом звере,
Я потеряла блеск.

Зима

Купола в полночный час
наполняет город,
чтобы пить с утра из чаш
молоко и холод.
В полдень кашель, к ночи свист,
шпоры гололеда...
И зима свой острый рис
сыплет всем за ворот.
Колкий ветер, словно вор,
отбирает голос,
хлещет сдуру и в упор,
схватывает горло.
Спазм такой, что не сглотнуть,
бес его б попутал!
Студит спину, дует в грудь
и цинкует купол.
Город словно береста
в съезжившейся коже, –
не прочтешь с его листа –
вышибает слезы...

***

Опять стихи идут, как эшелон
из прошлого – военного, скупого.

...Вновь мама ждет отца с реки, улова
к обеду ждет. И варится рассол
для огурцов с небритыми щеками.
Сижу-гляжу и думаю о маме,
И слезы, как горох, стучат о стол.
Моя весна еще так далеко:
Мне девять лет, смешлива, угловата.
Мой папа принесет в ведре улов!
Он радугу пришьет гвоздем над хатой!
И скажет бабушка, прикрыв глаза рукой:
«Спасибо, сын! Какой улов богатый».

***

Сумасшедшие метели
на Одессу налетели,
заблудились в тесноте
среди баров, книжных будок,
среди снежных незабудок
в новогодней суете.

Белый порт кричит печально,
что его волной качает,
что испуги стаи чаек
стынут сталью кораблей
среди пирсов, среди кнехтов,
среди замерзших, как пальцы,
над колючей шерстью моря
кранов, мостиков и рей.

Мы не станем, мы не будем
возвращаться в утро буден,
мы найдем под фонарями
сто придумок, сто затей
старой сказочной Одессы –
халамидницы, повесы –
удивительной столицы
удивленных кораблей.

***

Ближних Мельниц говор грустный,
Дальних – лай и перебранка,
запах рыбы и акаций
над лукавой Молдаванкой.

У прохожих красны рожи
от жары. Глаза устали.
Тары-бары – разговоры
миллионными устами.

Ах, одесские приметы:
детвора с картин Брюллова,
Куинджи луну с картины
притопил за волноломом.

Между берегом и молом
море – грех с картины Босха.
Вибрион эль-тор – нокдаун
неспортивной жизни бокса.

Лодки втиснуты в загоны.
Волны слизывают сонно
след от днищ, а вслед за следом –
гальку, раздевалку, город..

Постепенно, постепенно,
словно два больших удава,
слева – море, справа – небо, –
и Одессы не бывало.

***

Над Мертвым морем
алая звезда
смеясь, восходит.
Ангелы сгорают,
Свистят предсмертно,
Взглядами скользят
по нашим лицам,
словно текст читают
на ангельском.
...На идиш, на иврите...
Высвистывая:
– На каком молчите?
По-русски мы молчим.
И ты,
И я.
...И Русью пахнут
мертвые моря...

О. Мандельштаму

Надо смерть предупредить. Уснуть.
Я стою у твердого порога...

О. Мандельштам

Заглянув за дверь чулана,
закричу: «О Боже мой!»
Там углан в спецовке старой
всех пугает – у-лю-лю!

.....

Мандельштам лежит на нарах
(Осип, я тебя люблю).

.....

Кров над ним высок и бел.
На виски крошится мел.
А на остром подбородке
черный волос поредел

1984

У певчих свои временные законы

Колдует листва за спиной у лета,
пожаром горчит голубой листвою.
По птичьим дорогам уводит поэтов
куда-то спешащий пернатый конвой.

Я жду бестолкового лепета вьюг,
чтоб молча ступать по разбухшим паркетам
дубрав, приютивших бездомных поэтов...
А стаи летят через вьюги на юг.

У гордой пичуги хрустальный язык,
малиновый звук над подлеском грачиным.
Никто не запомнит усталой причины
подмены запева на хрипы и крик.

У холода свой серебристый язык.
У певчих свои временные законы.
И всякий по-своему плакать привык,
сличая вокзалов сквозные прогоны.

Ущербная тяжесть пути. А куда?
Туда суетливо уносятся стаи,
туда эшелоны заслонами ставят,
и тихую сапой плывут города.

Неверная участь залётных гостей.
Навязчивый след красноглинных обманов.
У черной реки. У ясной поляны.
Среди оскудевших до срока полей.

Накануне

Сто лет подряд и тысячи веков
росло державы каменное тело.
В нем сердце, обрываясь, холодело,
не узнавая первозданных слов.

На площадях безумеет людье.
По переулкам ходят душегубы.
И бронетранспортера выхлоп грубый
врачует жизнь верней, чем мумие.

Под пятерней правительственной длани
не покачнутся стены вечных зданий,
вместилища пороков и надежд.
Война уснет. Её приспит мятеж.

И воровская шайка облегченно
поднимет флаг над горизонтом, черным
от дыма завоеванных высот.
И всех нас от гибели ...спасет.

11 августа 1991 г.

Вадим Ковда

Возраст

С каждым годом труднее с людьми говорить.
Даже друга понять, даже сердце открыть.
Даже песню запеть, даже в праздник сплясать,
даже несколько слов о любви написать...
Только в ясные дали лесов и полей
с каждым годом гляжу всё смелей.

Искусство

И карканье воронов грустных,
и лай полуночных собак... –
всё это искусство, искусство,
в котором и Пушкин, и Бах...
И свет, что так стелется тускло,
и зимних лесов забытьё... –
всё это искусство, искусство.
Но только не ведомо чьё.

Полустанок

Мне всё это слишком знакомо!
Обычный пейзаж за окном:
коза возле белого дома
и женщина с жёлтым флажком.
Открытая в домике дверца –
там чайник, косой табурет...
Ах, всё это где-то у сердца
я чувствую тысячу лет!
Поблёкшая, пыльная травка.
Неприбранный, реденький лес.
И голая, голая правда
от голой земли – до небес.

***

Облаков кочевые народы,
куст осёдлый... – их можно любить.
Я, как в церковь, хожу на природу.
А куда ещё стоит ходить?
Лес, трава, полевая ромашка.
И беспутно кружащий листок,
и писклявая тощая пташка
скажут: – Милый! Ты не одинок...
Заблестит сизой дымкой долина
и излучиной белой река,
улыбнутся подзолы и глины,
где лежать мне века и века...
И отпустит глухая тоска...

Сиваш

Шелест маленьких гнутых деревьев
да морское сиянье вдали –
всё ж отрада для слуха и зренья
у покинутой Богом земли.

Но и чахлые эти уродцы
тихо мрут у меня на глазах.
А их души уносятся к солнцу
в бесконечных, пустых небесах.

Остаются в белесом просторе
нарастающий солнечный свет,
голубое блестящее море,
да рыбацкой ладьи силуэт.

***

Смолкайте, пустые желанья!
Уйдите, пожалуйста, прочь!
Я отдан был вам на закланье,
но больше мне с вами невмочь.
Отблядствовал, отсуетился,
Словес наболтал на века...
И всё ж не сломался, не спился
и даже не умер пока.
Так полнитесь вечностью строчки!
Кричи суть, что зрела во мне:
о маме, о сыне, о дочке,
о Боге, любви и войне...
Я вновь отрицаю бессилье.
И вижу: в глухом полусне
вздымается сфинксом Россия
вдали, предо мной и во мне.

За Днепром

Словно кожа столетней старухи,
в чёрных трещинах эта земля.
Здесь огромные, злобные мухи
да обугленный цвет ковыля.

Давит ветер ненашенной силы.
Пыль столбом. И хрустит на зубах.
Раскалённо и жёлто светило
в заднепровских бескрайних степях.

И зыбучих песков безобразие
в благодатном приморском краю.
И сюда желтолицая Азия
тянет дерзкую руку свою.

Чуть маячат отары овечьи.
Даль плывёт, замутнённо-бела...
Бесконечны труды человечьи.
Преходящи людские дела.

За Обью

Как бревенчато и косо!
Тихо. Выпала роса.
Запах пиленого теса
заполняет небеса

Нежный, прибранный, румяный
от светла и дотемна
городишко деревянный,
деревянная страна.

Хмурый дед в косоворотке,
с чёрной прядью в бороде.
А кругом всё лодки, лодки –
на земле и на воде.

Бесконечна, с белизною,
светло-серая во мгле
Обь лежит передо мною,
словно небо на земле.

Облака плывут, как духи.
Окна смотрят на леса.
На завалинках старухи
щурят белые глаза

и в немой закат над Обью
песни ясные свои
стонут, полные любовью,
плачут, полные любви.

***

Что не оплачено кровью,
сгинет – и нет ничего.
Всё, что не стало любовью –
пусто, уныло, мертво.
Если живёшь несчастливо,
вдумайся, не обозлись, –
в чём-то она справедлива,
неумолимая жизнь.

***

Ветер, изгибаясь, шелестит.
Небеса застыли синим сгустком.
Море ослепительно блестит,
словно снег на поле среднерусском.

Здесь, на вулканической горе,
над немым хаОсом Карадага
в гулком и пустынном октябре
мы одни, нам ничего не надо.

Дальних гор клубится полоса.
Мы сидим, ослепнув и оглохнув...
И душа течёт через глаза,
словно солнце сквозь большие окна.

Ледовитый океан

Два часа пополудни, а вечер.
Мгла. Огни сухогруза видны.
Снег да брызги, да воющий ветер,
да размытое око луны.
Рядом остров – маяк за дорогой,
лысый берег, скупое жильё...
Острый нож красоты этой строгой
проникает под сердце моё.
Я смотрю: что ж, и это Россия,
где полгода полярная тьма.
Всё равно – здесь настолько красиво,
что от этого сходишь с ума.
Я под снегом стою перекрестным
и придавлен, как будто бедой,
этим Севером, диким и честным,
беспощадной его красотой.

Христос и Аввакум

*Католическая церковь недавно покаялась
за преступления Инквизиции.
Не пора ли и Православной церкви
покаяться за продолжавшийся более столетия
геноцид русских староверов?*

1

Не проста эта жизнь, не проста.
Давит, жжёт ядовитая дума:
– Пусть евреи распяли Христа...
Ну а кто сжёт живьём Аввакума?

Но молчат... Не приемлют вины.
Крутят, врут на стремнине летейской.
Лишь мои, чую, дни сочтены
в скорбной участи русско-еврейской.

Для чего полукровкой рождён?
Что имела судьба на примете?
На меня с высоты смотрит Он...
Я раскаюсь за тех и за этих.

2

Плыл нимб... Глаза светили ...
Нёс мир и благодать
Когда его схватили,
не рвался убежать.

При нервной перегрузке, –
наивен и красив,
задумался по-русски,
семитский позабыв.

Страна, где всё заклято,
где в будущем Он был,
которую когда-то
всю, всю Он исходил...

Я подступаю к теме.
что муторна, больна.
Нормально, что в поэме
сломались времена.

3

Всё было, как в России
конвой, стукач, арест...
Он падал от бессилья,
но нёс свой тяжкий крест.

Из будущего злого,
где ложь, корысть, разор,
от горечи бывшего
мы не отводим взор...

4

На холме невысоком
стоял, избит, смешон.
Тут страшный суд над Богом
людьми был совершён.

Глаз любопытных гроздь.
Молчит толпа людей...
Когда вбивали гвозди,
слышал хруст костей.

Там – в Иерусалиме
(я тоже в нём бывал) –
давно забыто имя,
кто гвозди те вбивал.

Нет палача в помине...
Он – стрелочник ... Плевать!
Зато осталось имя,
кто приказал: **Вбивать!**

Как это некрасиво –
коррупции разгул!...
Наверно, и Каифа
Пилату отстегнул.

5

Отбросьте, зачеркните
мой воспалённый стих.
Ведь Он учил: **Любите!**
гонителей своих!

Но не лукавьте, бросьте...
Да! так Он говорил...
Того, кто вбил те гвозди,
любил ли Он?.. – Любил!..

Был гогот, мат, угрозы...
А время шло к концу.
Катились Божьи слёзы
по Божьему лицу...

Пред кротостью и болью
я упадаю ниц.
Но не могу, тем боле,
любить Его убийц.

6

Иисус вдруг тело выгнул –
был Богом не храним,
и, обезумев, крикнул:
– Эли! Эли! лема сабатхани!!

А это значит, боли
терпеть уже не мог.
Была потеря воли.
И Отче не помог...

Никто не понял сразу –
и в страхе и тоске –
зачем Он крикнул фразу
на странном языке?

Над людом онемелым
тьма с громом пронеслись.
Он задрожал всем телом,
метнулся и провис.

Провис, опал, поникнул...
И взор его потух.
Он снова что-то крикнул
и отпустил свой дух...

7

Прошло два дня, нелепо
считать, что Он – Господь...
Но в третий день из склепа
Его исчезла плоть.

И воздевали руки
евреи в синь небес...
И расползались слухи,
что, вроде, Он... воскрес!

И, смерть поправши смертью,
вновь к людям ищет путь:
учить нас милосердью
и совесть нам вернуть.

Он будет ждать веками
тех тягостных минут.
когда придёт над нами
вершить **свой** Страшный суд.

8

Так кто же Он? – я думал.
И буду думать век.
Он жил, как Бог, а умер...
как честный человек...

Кто верит пропаганде?
Никто и никогда.
Да, были Корчак, Ганди!!
А прочье – лабуда?

И нет конца сюжета:
война, грабёж, хула...
Боюсь, что жертва эта
напрасною была...

9

И мучит стыд до гроба
во мгле родной земли:
за что же протопопа
мы заживо сожгли?

Шла староверов горстка
за ним, забыв про страх...
В пропащем Пустозёрске
его развеян прах.

Не дрогнул он, не крикнул
сгорел дотла, до дна.
Чем памятник воздвигнул,
на вечны времена...

10

Всё это вижу... Маюсь...
Душа кровоточит...
Конечно, я раскаюсь
Но церковь промолчит.

И патриарх резвится –
пиар, поездки, власть...
Не хочет повиниться
и на колени пасть.

За бойню, за изгнание,
за скрытый геноцид.
Исполнить покаянье
гордыня не велит.

Господь взирает, страшен,
И хлещет Божий бич.
Когда в основе нашей
лежит гнилой кирпич.

И пенится огромный
судьбы девятый вал.
Но патриарх не помнит,
как водкой торговал.

И боль, куда ни гляну,
корысть, пожар и мор...
А старую подляну
заткнули под ковёр.

11

Ну а Христос мерцает
среди мрака, лжи и слёз.
Он – всё ещё – ступает,
Он в венчике из роз.

Он ходит по России,
как издревле ходил.
Печален взор мессии
и не осталось сил.

И цельный мир порушен...
Лакейство, чванство, глум.....
О, как нам ныне нужен
бесстрашный Аввакум!

12

Жив ли он, пейзаж берёзовый?
Свет потайный жив в судьбе?..
Аввакумы и Морозовы
попадают в толпе.

Та же даль и ветры буйные,
Глушь лесов и ширь полей,
И душа всё та ж – разгульная,
Только горше и щедрей.

И мелькают лица странные
среди вокзальной суеты –
Бородатые и драные
то ль бомжи, то ли Христы?

июль – декабрь 2010 г.

Аркадий Штыпель

***

железнодорожные аттракционы
законный замедленный контрданс
толстым морозом зарастают вагоны
на пятые сутки впадаешь в транс
пролетая стеклянным транссибом
позвенишь ложечкой и горя нет
персонажи свободны, всем спасибо
я не умею скроить сюжет
один духарился сбросили с поезда
хорошо на станции не на ходу
за холмами хоронится чингисханово войско
впереди белый мамонт с паханом на горбу
надо быть внимательным играя в карты
черные птицы летят в молоко
на сорокаградусном не очень-то покаркаешь
и от судьбы не уйдешь или уйдешь недалеко

***

прохладный галечник прибрежный
синеют горы за плечами
все ближе небо и неизбежней
с его широкими лучами
и росчерки существ летучих
летающих лучников избыток
из наливающейся тучи
рука протягивает свиток

***

кто крадется в белых тапочках? туман
кто сугулится и горбится? волна
кто над морем крикает? ревун
кто гуляет по-над морем дотемна?
кто вдоль берега гуляет? ты да я
в облаках летит луна разби-та-я
и ложится луч наискосок
на сырую гальку и песок

***

поезд как игрушечный выкатывается на юг
отворачивает на запад
где вечерами летучие мыши спуют
и море ворочается на мягких лапах
а мы все покачиваемся едем такие у нас концы
на подстаканнике выдавлена арка вднх – вот так диво
на остановках к поезду выносят малосольные огурцы
горячую картошку холодное пиво
и вот уже назад уплывают фонари
станционные здания сквер водокачка
и у каждого из нас внутри
лает маленькая собачка

Снова весна

Который раз апрель
блестит крылом сусальным,
чтоб звякала капель
по ясным наковальням.

Чтоб расплылась лазурь
на золотом и алом,
чтоб всласть зевнула дурь
казармой и вокзалом.

Чтоб жил еще отец,
чтоб борода кололась,
чтоб нам сковал кузнец
счастливый грубый голос.

***.

плюнешь: графомания
позор вздор
но есть ведь энергия непонимания
узорный молниями зазор
меж полюсами текстуальных
темнот —
разряд
и сонмы сусликов печальных
в стерне свистят

Почему-почему

...почему-почему? потому!
по всему, что не здесь и не с нами
ни случись! по тюрьму да суму,
по потьму с голубыми глазами –
ибо речь непостижна уму.

То-то радости – щёлкнуть зубами,
то-то счастья – свистать сквозь губу:
так и так, мол, и мы пацанами
без оглядки видали в гробу
эпицентр цунами.

Имярек выбирает ходьбу,
по сугубому замоскворечью
нарезая с резьбы на резьбу...
Кристаллически варварской речью
кроет вран на дубу:

бу-бу-бу! и картечью! картечью!
каррр! не встречу тебя на пиру!
каррр! тебя на перроне не встречу –
протеку в корабельном бору
корабельною течью.

Ты умрёшь – он умрёт – я умру
с волосами – костями – ногтями.
Нет бы юркнуть в сухую нору,
в золотую дыру меж мирами;
подобру – поутру

нет бы выпорхнуть хоть бы в майами,
чтоб всучить неизвестно кому
(ибо речь непостижна уму)
хохлому, чухлому, бугульму,
хохму, рифму, сиротку муму
с хризантемой цунами.

***

Шли ненастные дни,
задувало, как в осень.
С лап сыреющих сосен
обрывались огни.

Ярких капель каскад,
и, зеленый с изнанки,
прожигал стеклобанки
помидорный закат.

Тучи шли, как на плац,
в три колонны; и это
стародачное лето –
вечной жизни эрзац.

Наезжали – дышать,
точно в райские кущи,
где щемяц и запущен
рукотворный ландшафт.

Не грусти, не скучай.
Бога нет, и не надо.
За щелястой оградой
молочай, иван-чай.

По мокрети бочком
пробираясь поспешно
к пресловутой скворешне
с аккуратным очком...

Три сонета

*

Осенняя любовь двоих осенних
людей, их страхи, униженья...
Какой-то сквознячок прохватывает, в семьях
расшатывает отношенья;
какой-то ужас высыпает в сенях
полузимы; всем жаждется прощенья;
осенняя, двоих людей осенних
любовь, уже на грани отвращенья,
на грани ухищренья, и за гранью
нетрезвых снов склоняясь к осязанию
скабрзных трав и обезлюдев слухом,
обросши пухом и желтея кожей
в том зеркале, куда глядеть негоже
ветрлявым старикам и ветреным старухам...

*

Пройдемся тающей столицей,
на запад глядя, на закат,
чернея в створках репетиций,
как с музыкантшей музыкант.
И вот: сухой, дьяволицыый,
серчая чайною ресницей,
на шум и свет выходит фронт
и расправляет нотный бант.
С утра в жемчужнице концертной
витают ветерок бессмертный,
порхает пыльный холодок.
Незрячих купидонов стайка
сбивается под потолок.
А ты, курносая зазнайка...

*

Май-практикант в распахнутой ковбойке,
декабрь в телогрейке продувной –
а в мире пахло воблой и карболкой,
чернилами, белилами, халвой.
Пивком, сырком, моршанскою махоркой
и типографской краскою сырой...
Свободой пахло в воздухе! – поскольку
год надвигался пятьдесят шестой.
И кто там плыл у века посередке,
с Москвой на раскаленной сковородке,
с абракадаброй триггерных цепей?
Дух заварух и вектор эпопей,
вооруженный счетною линейкой
и с чубчиком под взмокшей тубетейкой.

Быть может, метель

Быть может, метель над уездной равниной,
аптекарской ступки фарфор соловьиный,
аптекарской скрипки сухой завиток,
печной голубой изразцовый глазок.

С аптечной латынью латунь часовая,
с оранжевой склянкой шкала весовая,
как льется луна сквозь проталины штор
на мраморно-льдистый чернильный прибор.

А это пятно на чернильном приборе
не так уж похоже на черное море
на карте земли, что видна из окна,
чьей вишней бутылъ голубая пьяна.

Сорвись же на высшей, неслышимой ноте,
на вишне в компоте, на высохшей плоти,
на вытертых смушках от бывших пальто,
на том, чего больше не знает никто.

Как плачет метель над уездной равниной,
как свищет аптечный фарфор соловьиный,
как спит голубой изразцовый глазок
и грифа скрипичного завиток.

Бумажные пыльные

Бумажные пыльные розы свидетельств и метрик,
ты, глина шумера, ты, писчее солнце Китая,
уж нас ничем не научит презрению к смерти
ни цепь землемера, ни жесткая пена морская;
и что бы мы пели, не меряй пространство пехота,
не полнись простор изрыгаемыми кораблями,
когда б не молилась мещора двудонным болотам,
когда б одиссей не пускался путем оловянным;
и кто бы поверил в сюжет возвращенья из мертвых,
архангельским трубам, евангельским судным посулам,
когда бы не плавилась щелочь в прожженных ретортах,
когда бы луна не скользила по черным парсунам;
когда ж канцелярия штамп лиловатый проставит,
ступай хоть до края земли, до конца коридора;
и кто там, молодая, пурпурными реет перстами
и склабится нагло из мглы погребального хора?

Солнцеворот

Сочельник! Горящий наплывом хвои
и канцерофобьи! о как неизменно,
кочуя щекой от плеча до колена,
мы жалуем жалкие стати твои:
...в посадке... нога не ступа... ..рожей...
да вью... Из-под крыши сбежавшая пена

скрывала потухшее веко звезды
с чудесным загибом чернильной ресницы,
чьим светом, сбегая к обрезу страницы,
упорно себя выдавали следы.
И благостен был новогодней страды
сугроб мукомольный с подсыпкой корицы.

Но ярусы бус! но фольянты фольги!
архивы орехов и бронзовых шишек
сулили явление локтей и лодыжек,
и слезы из глаз, и цветные круги...
Из темного леса гурьбой пироги,
тугие снежки бессердечных мальчишек.

Допустим, вселенная есть теплосеть
с пылающим льдом над местами протечек...
До пят в электрических пуговках свечек,
вся в челочках, смолках – и той облысеть
красе, ибо время обыкло борзеть,
гоня пред собой белохвостых овечек.

Попомнишь под беженским пологом створ
землянки в окрестности солнцеворота;
смеркалось; в селении смолкла работа;
три старца несли упоительный вздор;
звезда-самозванка глядела в упор
как знак, что уже загорелась охота!

Не плачь, дорогая! Все будет потом,
как сказано: баржи пойдут в караване,
набитые доверху как бы дровами
с разбитым крестцом, с обмороженным ртом –
проплыть перед праведным пересудом,
а там раствориться, истаять в тумане.

Оставь, дорогая, все кончится тем,
чем все начинается: солнцеворотом
с ослом и волом, со звездой по субботам,
с пещерой в скрещенье планетных систем.
Под елкою книжка: Жюль Верн или Брэм –
ну что ты, ей-богу... чего уж... чего там...

Владимир Кравченко

***

они идут с работы
на фоне заката
худые и бледные в темном
такие же бледные и истощенные
как этот слабосильный закат
они идут с работы
один за другим – словно договорившись
и никакой радости на их лицах

***

дождь, – по траве, – лужицам
голуби бегающие внизу, – на земле
в поисках корма
склеивают вместе с крошками
капли дождя

***

птицы пытаются меня перекричать
я сам с собой на бумаге
они в листе друг с другом
пытаются меня перекричать
хотя не знают обо мне
ничего
а может знают
я в одиночестве с невидимыми товарищами мыслями
скрипом пера
они возле моего балкона в листе, – в горячем воздухе
кто кого
мы одинаково принимаем этот мир
и жжем пламя нашего восторга
и никак не можем насладиться насытиться
накричаться
не зная что там впереди
они правда даже не думают об этом

***

я буду с вами всегда
даже тогда
когда меня
уже не будет
буду ходить, – потрясать своим кулачком
негодовать злиться
орать
сгорать от нетерпения стыда
рыдать потихоньку, – переводить свои нервы
хвататься за дрожащее сердце
не отставать
не давать покоя
хотя вам так все
надоело
спорить убеждать
ну что за дураки
все у них не так
надо не так, – по-другому
ходить по пятам, – как злая порода тень
я буду с вами всегда

***

белые одежды
сверкающие на солнце
в ярких бликах дня
делающие тебя похожей на богиню
вот ты выходишь
спускаешься по ступеням лестницы
как нарочно каменной
длинной прохладной
щуришься от солнца
улыбаешься чему-то
своему
белые одежды белые одежды
разбросанные повсюду

***

последний сумасшедший
прорвавшийся к власти
Фидель Кастро
больше нет
потихоньку приходит время общей скуки
серых невыразительных дней, – похожих один на
другой
и все забывают
о том
ради чего сумасшедшим
позволяли прорываться к власти

***

я на 3-м этаже
ветви согнутые стучат в окно, – балкон будто распахнут в
середину дерева
я над землей в ветвях этого дерева
словно тоже в птичьем гнезде
в скворечнике
второй такой прямо к стволу
мы вместе с птицами
смотрим думаем решаем
кричим
каждый о своем
вот только они почему-то не летают
это только я
они все-таки не могут так летать
как я

***

собака провожает хозяина таким взглядом
как жена
будто он выскочит и уйдет к другой
и приведет другую
с которой будет жить миловаться
а она, – собака
собака смотрит вслед как жена
и я не знаю чего больше в этом взгляде
тоски
или ненависти
что это я могу уйти и привести другую
а не она

***

вечером после работы в метро
случайный сосед
клонится его голова
засыпает
падает голова
мой товарищ
я готов подставить тебе плечо
я сочувствую тебе
ты после работы
где из тебя вытащили все соки, – эти новые капиталисты
мой незнакомый товарищ
тебе тоже тяжело, – хоть ты совсем молод
тоже тяжело
как нам всем
и я стараюсь не шуметь не двигаться
чтоб не разбудить тебя случайно
более того я подставляю под его усталую голову плечо
спи мой товарищ
спи
пусть ничто не мешает тебе
сегодня ты, – а завтра я
спи
я постараюсь не нарушить
твой краткий покой

***

они идут сквозь двор под моим окном и смеются
мама сын
мама с пухлыми губами и звонким голосом так
напоминающим голос сына
приятель мальчика
дед седой и плотный
о чем-то говорят смеются
они идут в потемках вечера словно в кустах в которых звуки
рождаются как бы сами собой
ступают гуськом друг за дружкой
впереди конечно мама
улыбка на юном лице
потом сын дед приятель
кто-то еще
они идут и смеются
спешат домой
и никто не знает что я ее люблю

***

ужасно грустно
осень дождь
хочется уйти из дома
как Лев Толстой
что-нибудь еще сделать
что делают люди в такую погоду
поехать куда-нибудь
глее тебя не ждут
но будут рады
только не дома
не это осень дождь
осень дождь
облака
вместе с соседями-соглядатаями, – которые тоже как облака
не любят тебя
и еще жена дом
осень дождь
хочется уйти из дома
как Лев Толстой

***

как скучно умирать от какой-нибудь простаты
сверстники умирали за свободу
Бангладеш!
хотя это было давно
их казнили мучили стреляли
резали
от них остались
книги
высокие слова
а мы ездим в электричках
из одного города в другой
чтоб заработать кусок хлеба
как скучно умирать
от какой-нибудь простаты
а на все остальное
уже не хватит сил

***

ночь лежит женщиной
прозрачными сумерками
контурами
ноги бедра грудь
ночь лежит женщиной
молчаливой большой затаенной
и поэтому всякий
кто приходит оттуда, — из тьмы
несет на себе
отпечаток чего-то
смутного
непонятного какого-то свидания

***

прийти вечером домой
и чтобы дом тебя принял
выйти утром на улицу
и чтобы улица тебя приняла
улыбнуться встреченным людям
и чтобы люди тебе ответили
прийти к любимой
а она чтобы ждала
встретиться с друзьями
а они чтоб были веселы довольны
уйти в сырую землю
а она чтоб не была такой колючей и злой

***

я выгнал пчел из дома
и теперь они суются мне в форточку окно
я выгнал их из дома
они прилепили гнездо в тумбочке которую мы выставили
на балкон
летали там летали пугали нас
и вот я сломал гнездышко
и теперь они безмолвные
бездомные
теперь они летают тыкаются во все щели ищут свой дом
и не могут найти
ищут себе место и не находят
я выгнал пчел из дома
и теперь словно не знаю что самому делать

Олег Карпенко

Из цикла «Крым»

Старый Крым, где халатные локти татар
Продают холодок на разлив.
Чем южнее побережье, тем глубже Таргар,
И вино – спирт с компотом из слив.
Там утопленник средь ламинарий, как гусь,
С легкомысленной миной плывёт...
Каждый год говорю: «Я сюда не вернусь».
Каждый год говорю. Каждый год.

зимний набросок

куда спешат неторопливо птицы
латая тюль сплошного снегопада?
ах, если бы сегодня не напиться
тогда и слов мне никаких не надо

и дворник важный в меховой ушанке
с какою-то немислимой лопатой...
царь Кришна спит в котельной на лежанке
и сквозь окошко вьётся снег лапатый

Дом

Дом строят быстро, аккуратно,
И кое-где уже живут
Профессор с кошкой ненаглядной
И венеролог-лилипут,
И дети, что не виноваты
За появление в сей мир.
То дверь им подожгут из ваты,
То дрожжи выплеснут в сортир.
И сторож, горделивый воин,
Грозя спровадить всех в тюрьму,
Швыряет вслед эрзац-ногою
И шлёпает по одному.
К утру придёт строитель тёртый
Затиркой залатать прорех.
На нём защитна гимнастёрка,
На голове полуорех.
Ему б хоть как-то до полочки
Хоть пошуршать, где не пожить...
И лают радостные сучки,
Привыкнув стройку сторожить.

воскресенье

обнажённое солнце
поднималось над шкурой земли
мы вставали с постели и брались за прежнее дело
неземные фиалки в лоточках цветочниц цвели
бледно-розовый нищий на паперти пел неумело
пел о том что вернуться к нему золотые деньки
и в замшелый картуз полетят золотые монеты
он починит башмак и в ЖЖ заведёт дневники
станет слушать Вивальди вином запивая конфеты
по короткой траве проплывали домов корабли
а изнеженный полдень безбрежен казался и вечен
просветлённые люди с лукошками в церковь брели
просветлённый и пьяный я медленно шёл им навстречу

Глаз

Все было правильно. И правильно сейчас.
И не было Греха, и не было Расплаты.
За нами не следил неутомимый Глаз,
Ему плевать – откуда ты, куда ты.

Смотри: вон Птичка на ветвях как раз
Поёт, и ничего её не гложет..
Ну что ты всё заладил «Глаз да Глаз ...» –
Он попросту закрыть себя не может.

игра в слова

раньше чем сейчас
позже чем тогда
не с чего начать
лето – не беда

не смыкая глаз
не включая свет
отпуская нас
мир который нет

не спеша уйти
не беги успеть
говори – лети
говорю лететь

раньше чем – когда
позже чем давно
птицы, провода
где твоё окно

ниже потолка
прежде чем всегда
легкая рука
выше чем вода

раньше чем сейчас
позже чем теперь
не смыкая глаз
открывая дверь

8 марта

Что там конфетки-цветочки,
Что жемчуга-янтари? –
Я подарю тебе почку,
Пусть у тебя будет три.
Я подарил бы и печень,
Пьёт она, правда, как зверь.
Вот моих органов перечень,
Что-нибудь, дуся, примерь...

Самоубийца

Есть масса способов покончить с жизнью, кроме
Того, что она и сама кончается постепенно.
У меня такая высокая сворачиваемость крови,
Что я зае*ался себе резать вены.

***

столько всего
внутри
ветра
в моей голове

Прощальная

Вновь обую валенки и стремя –
Или ветер какой-то сумасшедший –
Потянуло гарью над селеньем
Из дупел перекошенных скворешен.

Остановлю за холмами поезд,
Спросит дядька: «Куда тебе, бродяже?»
Отвечу: «Отвези меня, мил-человек, куда захочешь.
И не дивись худой моей поклаже».

Заплачет дядька, дёрнет за верёвку,
И вот уж едем мы в поезде быстрее ветра.
Достану мятую, с подкладки, сторублёвку
И угощу всех водкой из буфета.

Тяжело уезжать из родимого краю,
Да и останешься – сердцу не легче.
Не горюй жена, не плачьте, мамаша дорогая,
Жизня – свечой догорает, а молодцу плыть недалече.

А с ветки звёздочка-пышечка машет,
«Ворочайтесь, – грит, – поскорее, папаша».

***

А после смерти мы поселимся в Крыму,
В тени необитаемого лета.
Спасибо, жизнь! Я всё тебе верну,
Но больше не вернусь в твою тюрьму,
Где я был счастлив, если счастье – это.

Наталья Богатова

Скворчишка чернорясный

Всяк ярк и безумен.
И сам себе творец.

Отвязливый игумен,
отчетливый скворец,
они едино бьются
под паводком травы.
Выравнивая блюдце
вселенской синевы.

И в вышнем отраженье
себе ж глядишь в глаза:
там жгучее движенье
затеяла лоза,
цветет и вьется клетка,
ребром несетя ночь,
полет оттяжной плетки,
паленый ржавый ключ,
соседки томной взоры –
вся снуть под снег легла! –

но внятны лишь узоры
витражного стекла.

... скворчишка чернорясный
стучит слезами в Твердь:
петь больно и прекрасно.
И бесполезна смерть.

Памяти Гоголя

Кому терзала уши тишина,
Кому постель казалась смертным ложем,
Но Панночка в пространстве решена
Как та стрела, что не упасть не может.

В пространстве хат и плодородных дев,
Где колокола гуд утюжит крыши,
И где, цветки над крышами воздев,
Малиновые мальвы душно дышат.

В пространстве обручального кольца,
Имеющего контур прочной точки,
Где судорогой сведены сердца,
Как лиственные гибнущие почки.

В пространстве,
Где, хватая пустоту,
Звериной наготой блистая, мчится
И чувствует добычу за версту
Ночная неустанная волчица.
И в Запорожской, Господи, Сечи,
Как Цезарь – окруженная рабами –
– И ты, Хома! ты, Брут! – она кричит,
И трепеща,
И скрежеща зубами.

– Ты сам себя зажал в зачатом круге,
А мне хватило б трещины в стекле.

Она летит, вытягивая руки,
И жизнь ее, как стрелка, на нуле.

Мусоргский

Чугункой, в карете, на дрожках,
путем и совсем без пути
опасливый скоморошенька
желает к роялю пройти.

Смешно угнездится меж клавиш,
взлетев, что петух на насест.
– Mon cher,
ты о страшном играешь,
ты нам непонятен, Модест!

И тот, отвлекая от ноты,
как Богом забытый монах,
расскажет забавное что-то
о тайных, иных именах.

Он даме перчатку поднимет.
И бровь шевельнется: – O, oui!
вы, Модинька, тайное имя
скажите в молитвы мои.

Но он перекрестит колени,
слегка улыбнется, смолчит...

Он – гений, сударыня, гений.
Как все в петербургской ночи.

***

Уж чем бы небо ни дышало,
Да никогда не обижало.
Младым пажом сопровождало
в классические тупики.
Гляди, какие, брат, погоды –
в пампасы, в африку, на воды!
На длиннотравную природу,
В золотогривые деньки.

А небо, паж небесной крови,
растет, встает с Зимой вровень.
И сердце выбелив, и брови
метелит шпажкою сосны:
замерзни, дурочка, откуда
ты вечно ожидала чуда? –
от суеты слепого люда.
А надо бы – от тишины.

И ничего-то не зачтется.
И рукопись не перечтется.
Под гулким снегом лето бьется –
стебли стеклянные стерни.

Летит снегирь посмертно в Лето
атласной алой лентой Фета.
Стерней, полоской маков-цвета.

Цветок исколотой ступни.

***

Перестань, моя радость, я больше не буду смеяться
Над тобой, над собой, над крапивой, пробившей сукно.
Пусть скользят облака, пусть себе понемногу слоятся.
Если это им нужно, я, пожалуй, открою окно.

Я открою и дверь – если хочешь, ты можешь вернуться.
Солнцу крыша мешает, можно бы разобрать и ее.
Как-то все перепуталось, и хорошо бы проснуться.
Ты твердишь и твердишь бесполезное имя мое.

Я не верю себе, потому что туман нарастает.
Снег минувшей зимы – тополя затянуло слюдой.
Нынче лето, июль – почему ты не таешь?
Хорошо бы проснуться туманом над легкой водой.

Похороны на Рождество

Вот так открывается Космос:
внезапно летишь в пустоту,
и волосы в серые космы
сбиваются на лету.

А тихо-то, Господи, тихо...
до первой звезды – тыщу лет.
И жизни смешная шутиха
бабахнула, пыхнула. Нет.

***

Жизнь пришла, но ее не узнали.
Продолжали возиться в печали,
поливая картонный цветок.
А за спинами сойка орала:
«Он расцвел на Ивана Купалу! –
буйный папоротника кусток

(не дрожи над картонною хренью)».
Лето сад зажигало сиренью,
и кружили такие жуки! –
ближкокрылые – медью и золотом
над ромашками, грядкой с салатом.
Дни пространны и ночи легки.

... Смерть пришла,
пустотою лизнула.
Черной пенкой сироп затянула.
Смолкла сойка, свернув кровоток.

Смерть пришла, но ее не узнали.
Им казалось – живут, и в печали
поливают картонный цветок.

***

Я в школе взлезла по канату
под потолок спортзала и
услышала не «браво, Ната»,
а – быстро вниз и – не смотри.

Вот что за правило? – железно! –
взглянула лишь на потолок
и слышу: тише, выше – бездна.

От тех, кто и тогда не смог.

***

Так или иначе,
рано или поздно
будет вам удачно,
до смешного просто.
Сладкий жар – по силам,
жгучий лед – красивым
будет. Ибо небо
я о том просила.

А в печалях с муками
правды ни на грошик.
В пустоту ауюаю? –
быть того не может!

***

Я сама себя спасала,
я сама себя топила.
И когда мужей бросала,
и когда детей родила,
И когда, очнувшись ночью,
не ждала уже рассвета:
жизнь казалась мне короче
бесконечной ночи этой.
Жизнь! – которая сбивалась
то от шепота на ропот,
то от главного – на малость,
от отчаянья на опыт.
И, сама себя слагая,
чтобы только отдышаться,
я хочу сейчас нагая
к телу твоему прижаться.
Чтобы только выла глуше
ночь под левою лопаткой...
Долгие дожди украдкой
по мою стучатся душу.

***

Я купалась с лягушками,
словно Эллада весной.
Нет, постой, погоди,
я еще напишу про закат,
и еще про ковчег.
Да не тот, что достраивал Ной, –
про чудесный шалаш
с ветко-гранями в сотню карат.

Ветер сел в лопухах,
и стрекозы ударили блюз.
А заденет по коже –
и сохнет сверкающий страз.
Распускается сныть –
крепкой жизни решающий блиц.
Я люблю тишину,
но, пожалуйста,
все-таки,
ну – еще раз!

***

То лето стоит в половине,
Сияет на трубах печных.
Лунатики бродят в малине
В белесых рубашках ночных.

Им утром не будет понятно,
Когда целый день впереди, –
малиново-алые пятна
Сквозят на спине, на груди.

откуда такая награда –
Запутаться, переплести
Седой одуванчик из сада
И снег, позабытый в горсти.

И яблочный ветер – оттуда,
Где ангел считает белье.

Моя золотая острада.
Легчайшее имя твое.

***

У меня возлюбленный
такой странный –
иногда дикий,
реже карманный.
Говорит, что я к нему странная –
вся какая-то деревянная.

А зачем он гасит все окна.
Мы одни на миг, а он уже гасит.
И вычеркивает номера телефонные
из моей головы
легким ластиком.

Я пустею, голова моя слезы нижет.
Шаткая – воздушный шар – улетаю.
А он дергает за нитку все ближе.
– Не пускаю, – говорит. И не пускает.

Он как дернет – так и падаю тяжело.
Чугоном-ядром к нему на плечи.
А он грустью хлестнет,
что ременную пряжкой.
– Ты, Наташа, любить не умеючи.

Я играючи,
топоча и плакая.
Он с присвистом, с прикриком,
с эхами.
А над нами погода – всякая.
Как над крышею, что уже съехала.

А под нами анфилады и портики.
И моря, и океаны посохшие.
Ничего не понимаю в эротике.
И способна не понять еще большее.

Александр Евдокимов

Дорога к морю

Столько ехали к морю – века.
Торопились и не успевали.
Широка ты моя, широка,
вот и Крым, в кабаках: трали-вали.
Наш пронзающий мир Ягуар
спорил с фурами лёгким движеньем,
обгонял – и сгорающий шар
над полями светил с напряженьем.
В кипарисах сверкнёт, и ещё,
и сияющей синью постелет
за обрывом. Но время печёт,
а Икарus ползёт еле-еле.
У Икара подкрученный ус.
Славный отпрыск венгерских рабочих,
ветеран, знает времени вкус,
молодецких полётов не хочет.
Здесь, на узких витках обгонять
местных возчиков небезопасно.
Вот – опять море синим, опять,
там кораблик рыбачит бесстрастно,
солнце падает. Быстрый рывок
неизбежен, с автобусом споря.
И дорога мотает моток
наших судеб до самого моря,
до которого – вот уж, рукой,
но, опять: повороты, заторы.
Все устали и бледной щекой
ты прижалась к стеклу, за которым...

Великан

К домам подходит великан
с громами в рукаве и радугой в зрачке.
Порывы ветра закрывают двери в храм,
но служба их цепляет на крючке
из меди. Сжатый воздух бьёт толпу
и колыхает древние ворота.
Рекой колотит великан себя по лбу,
вонзая клык сверкающий в кого-то
безвинного, в круги пернатых стай.
Бежит, звенит испуганный трамвай,
облитый ледящей водой,
звенит: «прости депо, прощай».
Потом стихает всё. Дорога в рай открыта.
Летит капель над скошенной травой
и свежий ветерок несёт избитый
слепой мотив про Мурку и любовь.

Рыбак

Летят машины в черноту
и в облаках полно проталин,
рыбак идёт ловить звезду
на фоне харьковских развалин.
Будильник звякнет – и пора,
мужицкий выбор: быть свободным,
оставить стены в 5 утра,
дышать течением холодным.
Чтоб встретить солнце у метро,
в толпе, без страха и упрёка,
и в небо щуриться хитро,
и выпить водки одиноко.

Ловите, рыбы, рыбака –
рыбак становится пейзажем.
Мелеет на земле река.
Осенний ветер, абордажем,
берёт за бары рыжий сквер,
а после телеграф и бары.
Несёт волной небесных сфер,
на экспорт, дыма шаровары.
Рыбак прилёт на край дождя.
В машинах клерки едут мимо.
Патруль смеётся, проходя:
всех веселее Пётр и Дима.

Вот так, лежишь на мураве,
страна даёт тебе свободу,
а также козырь в рукаве:
жить или сдохнуть. На погоду
скрипят ворота в небесах.
У речки квакают лягушки.
Воюет с дьяволом монах.
И нет ни смерти, ни подушки.

***

Лампа светит. Муха плачет.
Дождь стучит по крыше дачи.
Осень. Ангелы летят –
очевидцы спят.

Этот миг других пьянее:
мы вдвоём и жизнь светлее,
чем красивые слова.
Ты молчишь, во всём права.

И молчится – как поётся.
По стеклу дорога льётся,
поднимаясь над трубой
тишиною голубой.

Дальше

Верится пропаганде
искренне и всерьёз.
Я крепко пью на веранде.
Глядя на звёзды, замёрз.
Всё же, не льком шитый,
думаю что, на треть,
путь позади разбитый,
дальше – любовь и смерть.

Ночь в саду

Разбуди меня, нокиа пыльный,
среди яблочных рук, под звездой,
чтобы веки тяжёлыми были
и трава угрожала росой.

Я не стану рассматривать числа.
Пусть твой голос из кокона сна
уведёт за собою без смысла,
без иллюзий, без века, без дна.

Чтобы молнией небо могуче
шевелинулось в холодной воде.
Чтобы Родина плыла над тучей
в виде спутников, звёзд и т.д

Щенок

Потому что в заборе дыра
не замечена с высоты,
убегает щенок со двора
сквозь туман, фонари и сады.

Как он будет бежать в тишине
под колёсами поездов,
и скулить своё счастье луне,
и визжать для ночных мотыльков!

Степь

Степь проста и мудра:
вот – трава, вот – ветра.
Вот – нет нас и кипит
каша из топора.

Облака удивительной формы
говорят над бескрайней землёй,
посыпают дороги, сверх нормы,
небывалою тишиной.

Протекают ручьи сквозь солдата,
вырастает трава изо лба...
Об железку ударит лопата,
и встаёт на заливке судьба.

И уснула у кромки бетона,
на века, в безголосом песке,
твоя каска, звездую обожжёна,
с ржавой дыркою в правом виске.

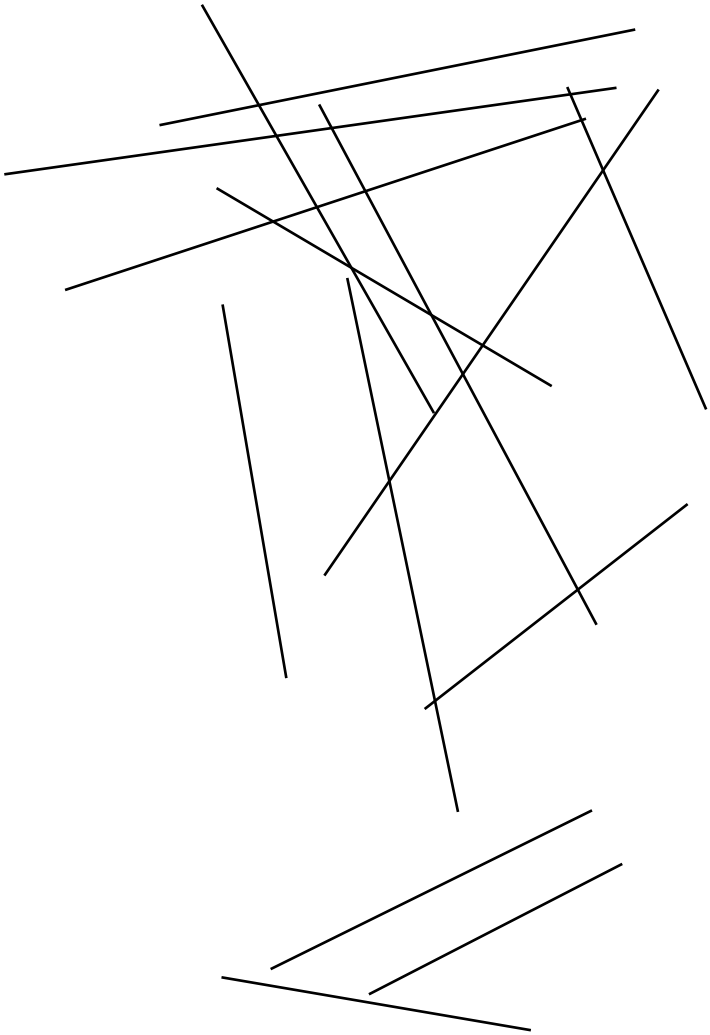
Соловьи над нами

В одеялах труха и песок,
зимний ветер танцует в ногах,
по стене фиолетовый сок –
это сон, всё бывает во снах.

Просыпайся, на улице дождь,
шелестит под колёсами грязь,
в новостях из Америки вождь
говорит про культурную связь.

Между вечностью, мной и тобой
нитка тонкая, тоньше стиха –
мы как бусины с разной судьбой.
Мы листва, мы одеты в снега.

Мы вагоны спешащие и
одинокчество в ж/д узле
превращается в соловьи
над дрожащим перроном во мгле.

ПЕРЕВОДЫ

Юрий Денисов

лауреат

Жан Овре (1590-1622)

***

Устойчивость искать в изменчивости мира
Нелепей, чем латать в отрепьях ветхих дыры,
По морю в сите плыть, искать иглу в копне,
Висеть на волоске или перечить грому,
Взбираться на гору по склону ледяному,
Дом строить на песке и лед хранить в огне.

Блеснув на краткий миг, заходит солнце славы,
В меду любовных ласк есть горькая отравка,
С богатством не в ладу достоинство и честь,
Нет розы без шипов, нет встречи без разлуки,
Начала – без конца, а радости – без муки...
Изнанка темная во всем на свете есть!

Поль Верлен (1844-1896)

Сегидилья

Еще ничью, почти нагую,
На черном канапе хочу я
Тебя ласкать, владеть тобой.
Ждет будуар нас желтый твой,
Как будто в восемьсот тридцатом.

Раздетая, почти нагая,
Плоть эта манит, возникая
В бесплотном кружеве белья.
В тебя, смуглянка, впился б я
И опьянялся ароматом!

Хочу владеть тобой, прекрасной,
Улыбчивой, свирепо властной,
Злой, говорящей нежно ложь,
Коварной, хищною и все ж
Неодолимо сладострастной!

О смугло-розовое тело,
О лунное! Ты б не хотела
Поставить ногу мне на грудь?
Так победительницей будь,
Ты, ты, чью плоть я обожаю!

Душа господству тела рада,
Тебя душе увядшей надо,
Всею плотью душу задуши!
Любой каприз, как суд, верши
Еще, еще, еще без края!

Игре веселой и опасной
Двух ягодиц твоих безгласно
Мою гордыню предаю –
Возьми под задницу свою
Стонать от роскоши атласной!

Артюрь Рембо (1854-1891)

Спящий в ложбине

Под сводом лиственным сверкание потока
Бросает на траву за лоскутом лоскут
Серебряную ткань, а над горой высоко
Пылает в небе диск. Лучи ложбину жгут.

Здесь молодой солдат, уткнувшись головою
В ромашки на лугу, где ливнем льется свет,
Уснул, раскинувшись, рот приоткрыв от зноя,
На ложе травяном; в лице кровинки нет.

Ногами смяв цветы, солдат с улыбкой, словно
Больной ребенок, спит... Природа-мать, любовно
Баюкай, грей его! Пусть дремлет до поры!

Нет, ноздри не дрожат, не чуют аромата,
Рука легла на грудь... И слишком сон солдата
Спокоен... В животе – кровавых две дыры.

Шкаф

Украшенный резьбой, широкий шкаф дубовый
По-стариковски мил; он стар уже давно.
Лишь приоткрой его, и заструятся снова
Духи, пьянящие, как старое вино.

Положенное в шкаф еще во время оно,
Забывтое тряпье благоухает в нем:
Тончайшие платки, где вышиты грифоны,
Белье и кружева желтеют день за днем.

В нем запахи цветов и фруктов ароматы
Смешались, пропитав и медальон памятый,
И золотую прядь, и лаковый портрет.

Ты знаешь, старый шкаф, немало тайн, поверий,
Историй сказочных. Расскажешь? Но в ответ
По-старчески скрипят твои большие двери.

Шарль Леконт де Лиль (1818-1894)

Екклезиаст

Екклезиаст сказал: «Псом лучше быть живым,
Чем мертвым львом!» Земля состарилась в печали.
Жить – значит есть и пить, все прочее – лишь дым.
Небытие – в конце, небытие – в начале.

Ночами древними, от скорби недвижим,
С высокой башни он смотрел в немые дали,
И думы мрачные овладевали им,
Когда его глаза по небесам блуждали.

Любимец Солнца! Царь! Твой стон ввергает в дрожь.
Пусть неизбежна смерть, но и она есть ложь!
Блажен, кто пропастью был поглощен мгновенно!

Как будто во хмелю, бессмертьем утрачен,
Всегда я слушаю не твой бессильный стон,
А жизни лвиный рык, звучащий во Вселенной!

Кобылица

Пуглив и дик твой взгляд, степная кобылица!
Среди пахучих трав неудержим твой бег!
По шелковым бокам горячий пот струится,
И пена падает, белей, чем первый снег.

Равнины летней дочь, горда, вольнолюбива,
Ты опьяненно ржешь на берегу реки.
Ты птицею летишь, и буйно вьется грива,
Неукротим твой нрав, неистовы прыжки.

Но неожиданно рукой фракийца властной
Ты будешь схвачена, безудержно смела,
И, взвившись на дыбы, ты в ярости прекрасной
Напрасно будешь грызть стальные удила!

Анри де Ренье (1864-1936)

Кентавр

Я, конь и человек, неистов во хмелю!
Я деву робкую поймал за край туники
И жадным ртом глушил ее мольбы и крики,
Затем я по камням напиться мчал к ручью.

В рубцах мой мощный круп: за женщину в бою
Мне раны наносил герой прекрасноликий.
Но, в женское руно вплетая мех свой дикий,
Я светлоокую познал жену мою.

Я на спине катал хохочущих менад,
Сатира я смешил, мне Пан всегда был рад.
Я мял цветы, их кровь осталась на копытах.

Теперь меня ведет Амур, властитель мой;
Мы ищем на заре в лесах, людьми забытых,
Фиалки бледные и шишки под сосной.

Воспоминание о Востоке

Я вижу, лишь на миг прикрыв глаза,
Просторный двор узорчатой мечети
И белых голубей на минарете;
Я слышу гам, торговцев голоса.

Я вижу в снах Востока небеса,
Базар, где продается все на свете,
Там среди груд плодов играют дети,
Купец в чалме лукавит, как лиса.

Перекрывая шум разноголосый,
Кричат неутомимо водоносы...
Вдыхаю пот и розы аромат,

В моих ушах витает отзвук шума,
А на губах оставил ты, Багдад,
На память сладкий вкус рахат-лукума!

Тристан Корбьер (1845-1875)

Дневной Париж

Ты видишь, красный круг сияет спозаранку?
То в медном котелке Господь нам варит манку.
Одну и ту ж стряпню он каждый день дает,
Приправа для нее – любовь и едкий пот.

Ты слышишь? Плоть шкварчит. Оголодал народ!
Обжоры страстно ждут, вступая в перебранку;
Пропойцы с кружками уж предвкушают пьянку;
Ждут нищие, когда настанет их черед.

Ты думаешь, Господь для всех готовит чудо?
И жарит шкварки всем? Нет, нам иное блюдо –
Бурды собачей нам нальют в урочный час!

Кому под солнцем жить, а нам – сдыхать в канаве,
Лишь котелком бурды владеть еще мы вправе.
Яд проклятой души, вся наша желчь – при нас!

Мне слаще яд и желчь, чем мед и ананас!

Андре Сюарес
(1868-1948)

Скрипки

О скрипки тонкие! О дочери Кремоны!
Прекрасней вечера вы, дети грез и сна.
Вы – это кровь сама, вы – зов и тишина,
Вы – шепот, пение и горестные стоны.

Когда я слышу вас, моя душа пьяна;
Мне слышен поцелуй в густых садах Помоны,
Психеи нежный вздох, напевы Дездемоны.
Вы сами раните, но рана вам страшна.

А вашей музыки цветные лепестки
Трепещут так легко, как в небе голубки;
На ваши струны лег желаний груз тяжелый.

Звучанье чистое и аромат без слов,
Небесные луга и трели соловьев,
О птицы райские, вы, скрипки и виолы!

Альбер Самен (1858-1900)

Версаль

Когда к упадку клонится природа,
Не знаю, почему тебя мне жаль.
Как ты прекрасен осенью, Версаль,
Хоть небо стынет в это время года!

Мне хочется твои увидеть воды,
Твоих аллей светлеющую даль.
Таится в красоте твоей печаль,
И есть в ней дух прощанья и свободы.

Среди бассейна влагу льет тритон.
Не отразит Людовика затон,
Закончились гулянья и приемы.

Пустеет парк. Умолкнул птичий гам.
Журча, течет вода из водоема,
Печальная, как слезы по ночам.

Жерар де Нерваль
(1808-1855)

Почтовая станция

Тут сменят лошадей. Выходишь из кареты
И наугад идешь, не разбирая, где ты,
Дорожным грохотом и зноем оглушен;
Наскучило смотреть, нет сил и клонит в сон.

И вдруг перед тобой, полна прохладной тени,
Долина тихая: цветут кусты сирени,
Журчит без умолку ручей среди травы.
Дорога, стук колос, теперь забыты вы!

Лежишь и чувствуешь, как жизнь течет по венам;
Пьянеешь оттого, что пахнет свежим сеном.
На небеса без дум глядел бы так всегда!
Но вот уже кричат: “В карету, господа!”

**Жорж Брассенс
(1921-1976)**

Сегодня я увижу вас

1

Меня Господни серафимы
За то, что веры пыл угас
Огня лишили своего.
Но мне плевать на этот раз –
Сегодня я увижу вас.
Огонь, единственно любимый, –
Огонь ревнивых ваших глаз,
Все остальное безразлично –
Сегодня я увижу вас.

2

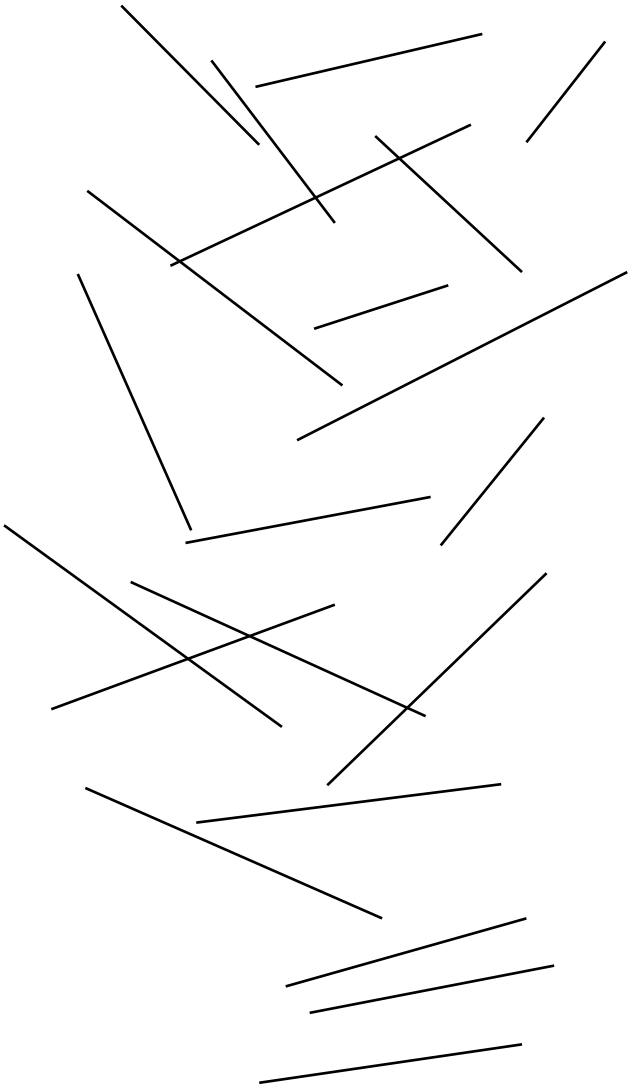
Меня хозяин нелюдимый,
Не вынеся моих проказ,
Изгнал из дома своего.
Плевать мне и на этот раз –
Сегодня я увижу вас.
Мой дом, единственно любимый –
Подола вашего атлас.
Все остальное безразлично –
Сегодня я увижу вас.

3

Меня трактирщик нетерпимый
За то, что я в долгах погряз,
Лишил обеда моего.
Плевать мне и на этот раз –
Сегодня я увижу вас.
Обед, единственно любимый, –
Ваш поцелуй в урочный час.
Все остальное безразлично –
Сегодня я увижу вас.

4

Меня министр высокочтимый
Не купит даже за алмаз,
Не буду я слугой его.
И мне плевать на этот раз –
Сегодня я увижу вас.
Алмаз, единственно любимый, –
Ваш добрый нрав не напоказ.
Все остальное безразлично –
Сегодня я увижу вас.

Алла Шарапова

Уильям Шекспир
(1564 -1616)

Сонет 65

Ни океан, ни камень, ни металл,
Ни этот грустный и жестокий род –
Своей судьбы ничто не обойдет.
Лишь Красота, бесплотный идеал,
Еще хранит свой терпкий аромат
В огне, под градом сыплющихся дней,
Когда уже и скалы не стоят,
И падают громады крепостей.
Но будет день – с бесчувствием скота
Растопчет Время свой святой кумир,
Свой лучший камень – и грядущий мир
Не знал бы, что была в нем Красота,
Когда бы тусклый цвет моих чернил
Бессмертия Ее не утвердил.

Карл Сэндберг (1878-1967)

Белый пенал

У этой женщины с бульвара Мичиган живут
попугай, золотая рыбка и две белые мыши.

У нее полон дом девочек в кимоно и три звонка
у парадной двери.

Сегодня она осталась одна с попугаем, золотой
рыбкой и двумя белыми мышами.

Впрочем, вот кое-какие ее мысли:

«Любовь отпускного солдата и моряка
на побывке оставляет груды золы с бараными
косточками и шафраном.

Любовь рабочего-эмигранта за тысячу миль от жены
оставляет легкий голубоватый дымок.

Любовь мальчишки, чью подругу
выдали за немолодого коммерсанта,
вспыхивает шипящим капризным огоньком.

Но бывает любовь – одна из тысячи – которая
горит чисто и оставляет белый пепел».

И этой мысли она не доверит ни попугаю,
ни золотой рыбке, ни двум белым мышам.

Огни оперенья

Мертвенная золотая луна
расстилала покатую плоскость света.

Трехгранная призма – пристанище иволги
с её припевом: «Возьми домой!»

Тонкий покров из прозрачных золотых перьев
для маленькой Клеопатры табора.

Так расстилала луна покатую плоскость света –
пусть покатится!

Все возвратится: одинокие псы,
жемчужная изморось, луна во мгле.

Эзра Паунд

(1885-1972)

Баллада доброго друга

(Так говорил Симон Зилот вскоре после Голгофы)

Добряком он не был, наш Добрый Друг,
Мой друг Иисус Христос,
И средь многих недаром он выбрал нас –
Товарищей волн и гроз.

Когда стража пришла, а за ней толпа,
Он сказал нам: «Не надо слез,
Я еще возвращусь к вам, мои друзья,
И незачем вешать нос!»

Мы прошли частоколом поднятых пик,
И я слышал его вопрос:
«Почему же я в городе не был взят –
По задворкам искать пришлось?»

Он не звал нас, мы сами пошли за ним.
Был он строен, русоволос,
Вечерами мы часто вкушали мед
В тени виноградных лоз.

А книжных червей он терпеть не мог,
Не желал принимать всерьез,
Только нас, рыбарей, он позвал в друзья –
Товарищей волн и гроз.

Вы бы видели, как он, всходя на крест,
Исполнялся мощи и рос!
Если б кто-то сказал мне, что был он слаб,
Я бы череп тому разнес!

Он сказал нам: «Увидите – буду жить!» –
И поправил волну волос.
«Что, красиво, как смелый идет на смерть?» –
С насмешкой он произнес.

«Мне товарищ каждый, кто глух, незряч,
Оклеветан, голоден, бос –
Ибо только страдавший имеет власть!» –
Так говорил Христос.

Многие тысячи шли за ним.
Сыном Божьим он был, Христос.
Но по крови своей человек он был –
Человека же нет без слез.

И плакал он, когда кровь его
Обагрила серый утес,
Но как радость принял он эту боль
И как жизнь ее перенес.

Вместе с нами закидывал сети он
И тянул корабельный трос,
Когда мы плыли в Геннисарет,
Ибо сердцем он был матрос.

И были глаза то как пена волн,
То как тихий, бесшумный плес,
И не зря среди прочих он выбрал нас –
Властителей волн и гроз.

Я видел тебя вкушающим мед,
Я познал твою смерть, Христос.

Кеннет Фиеринг (1902-1961)

Канун Святой Агнессы

Декорации: засиженное мухами утро понедельника,
Папиросный ларек без окон,
Две кривые улочки.
Действующие лица: шестеро полицейских и Луи Глатц.

Громоухание поездов предвещает грядущее чудо,
А тем временем Луи Глатц взламывает папиросный ларек
И выручает
S 14,92

Офицер Доулан видит что-то подозрительное,
Он окликает взломщика,
Но опасный, обаятельный, косящий на один глаз

Луи Глатц, этот бандит и гад,
Вынимает свой автомат
И: «Рат-а-та-тат,
Рат-а-та-тат»

И офицера поспешно уносят.

Но Луи бежал, как шальная тень,
По улочке, узкой, как коридор,
И офицеры преследовали его,
Про себя повторяя: «Позор, позор!»

И: «Рат-а-та-тат,
Рат-а-та-тат» –
Отвечал Луи, точнее его автомат.

И тогда шериф Питер Вендотти откатился от своей жены,
Выкарабкался из постели и запрыгал, трясаясь от холода,
По ледяному полу,
Слушая заикающуюся речь быстрой смерти,
Обретенной кем-то в открытой аудитории,
На опустевших ночных хорах.

Выстрел, еще... Луи передернулся, заметался,
В его окровавленном черепе засело семь пуль,
И его несчастный мозг расплескался, как мыльная пена.
Потом он привстал, ухватился за водоразборный кран
И еще с полминуты не подпускал врагов.

«Я не убит! – кричал он. – В меня никто не стрелял!» –
Разносился его вопль. – «Это не мне разmozжили голову!» –
Раздавался хохот, – «О,
Будьте вы прокляты!»
И, пока он не сдох, этот гад,
«Рат-а-га-тат,
Рат-а-га-тат» –
Во тьме повторял его автомат.

А офицеры полиции произносили как эхо:
«Позор, позор!»

Ласковая музыка, похожая на стоны ветра
В занавешенных окнах и распахнутых настежь дверях.
Пароходная труба без всякой пользы резонирует доносящийся
откуда-то вызов.
Пространство протягивает свой луч сквозь крыши домов,
В лабиринты улиц.
Кирпичи крошатся, стены оседают.

Душа Луи вылетела изо рта в виде котелка, сигары, коробки
Спичек и пыли, в которой он был распростерт.
Закройте окно у Доулана. У матери Луи тоже.
Засиженное мухами и тихо сходящее на нет утро понедельника.

Роберт Лоуэлл (1917-1977)

В тюрьме

Завернутых в застиранный халат
По одному нас вводят в тесный дворик,
Где со стены взирает черный гомик,
И, смешанные с руганью, летят
Заигранные блюзы с балюстрад...
Рецидивисты с воем гнут решетки...

Нас взяли из туннелей, от лопат,
От готовальни, от кирки, от щетки
И заперли. На сколько лет? Еврей
Забыл все заповеди. Дни поста
За Гарлем свой лишь помнит.
Ночь. Тщета.
Но чем сильнее власть возраста и тьмы
Гнетет Адама, тем, видать, скорей
Кузнечик-страх пропилит дверь тюрьмы.

Фрэнсис Вебб
(1925-1973)

Старухи

Пора высаживаться. Из объемов, масс,
Из роста, возраста, призванья, пола...
Воскресный день. Плывут изгнанницы-суда,
Бесформенные тучки, как летучий газ,
Все что-то нюхающие на руинах мола.
Сын, муж, любовник встали на свои места –
Пора страстей прошла. Покой и пустота.

Они в приемных ждут. Архаика одежд,
Стекло для чтения и минимум фразерства.
В их атмосфере всяк летуч как метеор;
Напыщенность и блеск – и никаких надежд;
Их воздух – весь наш век расчетливый и черствый.
Скрыть суть – вот для чего заводят разговор.
Закону одному подвластны все места.
Пасет свои стада гордыня-пустота.

И вдоль, и поперек успели истоптать
Стада и пастухи планету,
Которую жара и кашель растрясли.
Но тяжести закон их будет опускать
К оврагам и стогам, к трудам тяжелым лета,
Коробкам сладостей, что детям привезли,
Заштопанном чулкам – все встанет на места.
Стада твои мычат и блеют, пустота.

Ее лицо – земля в пожарах катастроф,
Когда с небес, как дождь, свергаются кометы
И мегатонный взрыв во лбу горит свищом –
Стальной плитой смерть закроет этот ров.
Мужчина побежден, друг минерала, цвета,
Мелодии – всего, что почитает злом
Его пигмейка мать. Пора менять цвета.
Расторгли договор земля и пустота.

Накупят и тряпья, и хлеба, и одежд
Для универсума. И на костер событий
Для взрыва нового доставят огонька.
Неправда, что от них родился свет Плеяд.
Взгляните им в глаза. Теперь во тьму взгляните.
Так было, есть и так пребудет все века.
Она возрастет везде, поскольку все места
Равны для старости, – была бы пустота.

Джон Рассел Херви
(1889 – 1958)

Мёртвый путь

По вечерам, когда в полях войны
Невысохшая кровь ещё дымится,
Я очень часто думаю об Йитсе.
Как он умел взглянуть со стороны
На этот ад! Он шёл своим путём
Всегда один через бескрайность морга,
И ангел задевал его крылом,
Иль дух немой из книги Сведенборга.
Ему казалось, северный спирит
Глядит на танец призрачного пира
И тонкая стеклянная рапира
В густом дыму таинственно звенит.

Он говорил военному врачу,
Что белокрылым ангелом он ранен...
На то он был поэт. Но я хочу
Смотреть на вещи как простой крестьянин
И чувствовать, как чувствует земля.
Мне безразличны ангелы и черти,
Я, право, звать не стану «маской смерти»
Цветы в садах и тихие поля.
И, возвратившись с похорон друзей,
Бухгалтерскую книгу я открою,
Прикидывая урожай полей
Недавней перепаханных войною.

Хильда Дулитл (1886 – 1961)

Лета

Ни кожа, ни руно не защитит от ветра,
Ни алый плащ, ни кров
Из древесина кедра,
Ни кроны молодых лесов;

Ни можжевельнику не поклониться
К твоим ресницам, ни бутонам роз;
Болотная не встрепенётся птица,
Не распоётся дрозд.

Ни лёгкий вздох, ни слово, ни движение
Тебя не встретит в холоде ночном –
Тебя подхватит тёмное течение,
Не спрашивая ни о чём.

**Уильям Олингхэм
(1824 – 1889)**

Эльфы

Не ходи, охотник,
В горы через брод:
Там гуляют эльфы –
Маленький народ:
В курточках зелёных
Шествуют гуськом,
В шапках красных с белым,
Точно снег, пером.

Водоросли в речках
Испекли блины.
Там живут в довольстве
Горных фей сыны.
В озерах стоячих
Братья их живут –
Жабы, как собаки,
Дом их стерегут.

А король их старый
На большой горе –
Ум его в тумане,
Кудри в серебре.
Речку он по тучам
Может перейти,
И от нас до Росса
Час ему пути.
В холоде и мраке
Ледяных ночей
Он пирует с феей
Северных огней:

Пленница из плена
Убежать смогла,
Но друзей и близких
Дома не нашла.
В плен ее вернули,
Спать она легла –
Будят не разбудят,
С горя умерла.
Положили эльфы
Умершую в пруд –
Ожила и стала
Королевой тут.

В пустошах, на скалах
Колкие кусты
Вырастили эльфы,
На кустах цветы.
Кто по злобе вырвал
Кустик из земли,
Те в своей постели
Острый шип нашли.

Не ходи, охотник,
В горы через брод:
Там гуляют эльфы –
Маленький народ:
В курточках зелёных
Шествуют гуськом,
В шапках красных с белым,
Точно снег, пером.

Филип Френо
(1752 – 1832)

**Стансы при виде деревенской гостиницы,
разрушенной бурей**

Где громоздятся днесь руины,
Вакхический был прежде храм;
Туда стремился гость чужбины,
Тревоги забывал он там.

И купол полыхал хрустальный,
И скорбь казалась далека.
Теперь лишь ворон там печальный,
Мышей летучих облака.

И жрица мёртвого ковчега
Над славой попранной скорбит:
Её фарфор белее снега
Разбит, бокал с вином разбит.

Хозяин доброго приюта,
Гостей встречавший много лет,
Не шлёт сегодня почему-то
Усталым путникам привет.

Последний столб твердыни древней
Во прах низвергнуться готов –
Падут и крепость и харчевня
Под страшным натиском годов.

Там нимфы нежные блистали
И виночерпий молодой,
Уж нет их и следы пропали,
Не видно чаши круговой.

Давно ли мы в заздравном гимне
Жизнь славили – где та пора?
Где ты, король беседы зимней?
Где ты, что пела нам вчера?

Увы! Не дремлет больше Хлоя
На мшистом ложе меж камней,
Холодных стражей леса хвоя
Не возвышается над ней.

Где Хлоя? Все прошло, что было,
Глухая тишь над всем царит,
И никогда очаг остылый
Радушьем нас не одарит.

Вы, бури, вволю бушевали,
Срывали крыши вы с домов,
Из петель двери вырывали,
За кровом сокрушали кров.

Так наконец смирите ярость,
Пусть заново отстроят храм,
Чтобы в стенах его под старость
Испить хмельную чашу нам.

(С английского)

Кнут Гамсун
(1859 – 1952)

Остров в шхерах

Гляжу из лодки
На остров в шхерах,
На цвет зеленый
Лугов прибрежных;
Схожу на берег –
Цветы не сводят
Глаз изумленных
С меня и нежных.

И вот цветут они
В моем сердце,
И нет их краше
На белом свете;
Они беседуют,
Шепчут странно,
Смеются, кланяются,
Как дети.

Как знать? Быть может,
И я когда-то
Цветком был белым
Между цветами –
Недаром трепет
Воспоминаний
Я ощущаю,
Цветы, пред вами.

К плечу склоняюсь
Я головою,
Далеких грез
Надо мной туманы,
И ночь, сгущаясь,
Меня качает
Волною моря,
Волной нирваны.

Снег

Второй уже день на дворе снегопад.
Крыша к земле осела,
Изгородь плащ надела,
Снегирь ни зерна не найдет в кормушке –
Стоит с сугробиком на макушке,
Как папа в одежде белой.

Подлеска в новом плаще не узнать.
Снег на окне избушки,
И на крыльце, на опушке...
Легендой дохнуло в краю заметенном,
Открытые корни подобны драконам,
Посбиты ветром дерев верхушки.

Мороз, что Креститель, идет по лесам,
Дорогие перемеряя
И новые проторяя:
Чернею глаза, как орехи лесные –
Бесшумно вершит он пути потайные,
Себя узнать не давая.

День ясен, лишь ветер сбивает с пути –
Разбойник высокогорный,
И лес принизился черный
От снежных клоков на сучках древесных,
Деревья качаются в чащах окрестных
В белых серьгах узорных.

И, настом перистый снег сковав,
Мороз, как огонь, обжигает
И кожу тебе вздувает;
Рисует на стеклах кресты, опахала,
Свистит по дорогам, как бог обуялый,
И ставни с петель срывает.

Слышно, как поздний бормочет ездок:
«Кто в стороне от дровен
Мчится со мною вровень?»
И дальше мчится, уже засыпая.
Клубится, качается даль золотая,
Голос невнятен, образ бескровен.

Место погребения

Не дай мне, Боже, последних дней
Среди подушек и простыней,
Среди слез, скорбей и унынья.
Заблудиться дай мне в лесу густом
И упасть бездыханным в месте таком,
Где никто не бывал доньше.

Я сын твой, лес, и уж как-нибудь
Меня ты проводишь в последний путь,
Устроишь мне похороны.
Я тебе оставляю тело мое.
Пусть сойдется меня помянуть зверье,
Да жуки, комарье, вороны.

Хорошо они попируют там!
Будет дело клювам их и когтям,
Все накинутся на объедки,
Мурлыча, воя, рыча, кряхтя..
Одна только белочка, как дитя,
Мне в глаза смотреть будет с ветки.

Вот уж празднество для лесной родни!
А когда, пресыщенные, они
Разбредутся в родные чащи,
К скелету обглоданному прильнув,
В костный мозг мой стервятник просунет клюв –
Для него нет лакомства слаще.

И хочу, чтобы в ночь и о новом дне
Соловьи и пичуги пропели мне
Вместо заупокойной в храме,
И воздастся тогда мне сполна почет,
Только сыч не подгадил бы, старый черт,
Так он скверно поет ночами.

– Ну, прощайте, друзья! – объявлю гостям, –
Дайте отдых бедным моим костям,
Пусть приляжет бывшее тело
Под стволы, под лиственный бугорок.
– Кто же листья притащит? – Настанет срок –
Ветер сделает это дело.

(с норвежского)

Рубен Дарио
(1867-1916)

Цыганочка

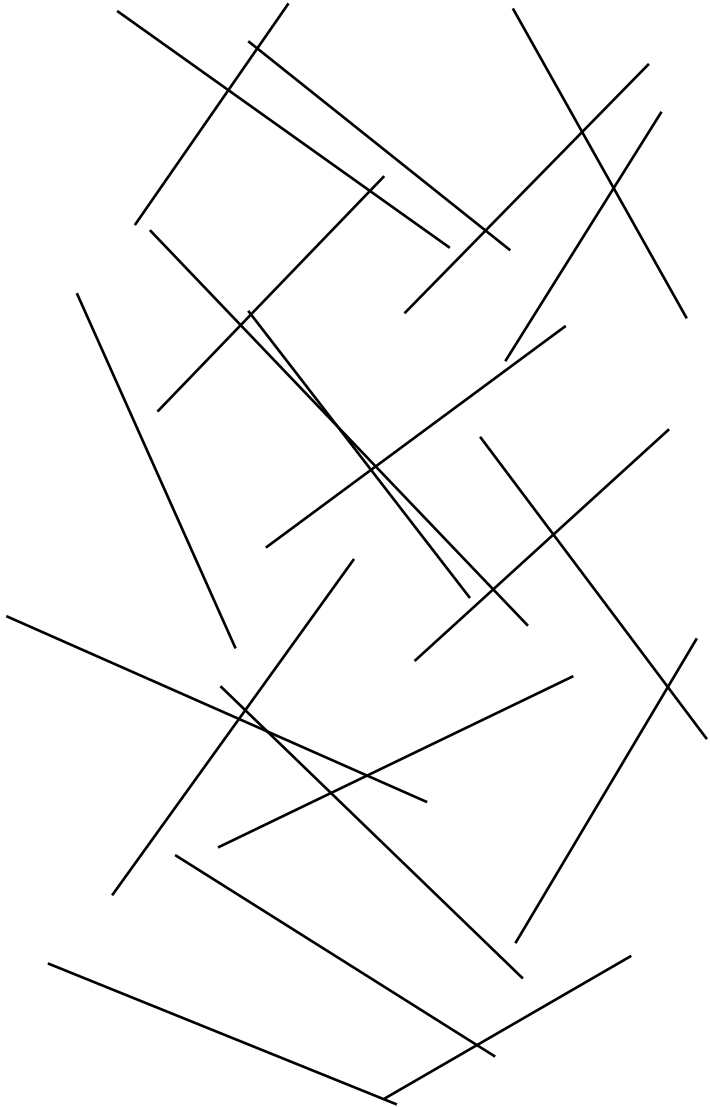
Чудесно плясала! Из черных зрачков
живые алмазные искры летели;
так пляшут в новеллах у дона Мигеля
гитаны на рынках больших городов.

И каждый цветок был взорваться готов
из тех, что над смуглым челом пламенели;
и эта головка на бронзовом теле
напомнила время бродячих шатров...

Взлетало фанданго, и пахла гвоздика;
о празднике жизни бесстрашной и дикой
гитарные струны вели разговор;

и женщина, в танце пьянея от страсти,
поймала, смеясь, на цыганское счастье
из рук живописца в корсаж луидор.

(С испанского)

Аркадий Штыпель

Уильям Шекспир

(1564 -1616)

Сонеты

15

Как погляжу, все, что стремится в рост,
В расцвете не протянет и мгновенья,
Что над огромной сценой сонмы звезд
Толкуют свои тайные веленья;
Что человек взрастает, точно куст,
Кого и освежает, и палит
Все то же небо: полон соков, чувств,
Изношен, высох, навсегда забыт...
Твоей непрочной молодости герб
Мои глаза позолотить не прочь,
Поскольку спорят Время и Ущерб,
За право ввергнуть полдень в злую ночь.
Так повоюем! Я любовь пою:
Все, что отхватит время – вновь привью.

19

Льву, Время, вырви когти; дай смолоть
Земле ее родных детей; спили
Клыки у тигра; Фениксову плоть
В его живой крови испепели!
Любую прихоть выведи на свет,
В какой угодно изойди гульбе;
Одно лишь преступленье, хуже нет,
Я запрещаю навсегда тебе:
О, не коснись зазубренным резцом
Возлюбленного чистого лица;
Пусть остается вечным образцом,
И выше пусть не будет образца.
Попробуй, тронь! Я славно свил слова,
В них молодость любви навек жива.

21

Нет, не по мне, когда иной пиит,
Какая ни прельсти его краса,
Предмет свой обессмертить норовит,
Пустив на украшенья небеса;
Цепляя раритет за раритет,
Совокупляя солнце и луну,
Мрак колоннад, апрельский первоцвет,
И сушу, и жемчужную волну.
Под стать любви да будет честен стих:
Любой прекрасен в любящих глазах,
Но ведь не ярче этих золотых
Лампадок, закрепленных в небесах.
К чему хвалы пустые воздавать,
Тому, чем не намерен торговать?

55

Тьме конных статуй, покоривших мир,
Не пережить скрепленных рифмой слов;
Ты ярче в них сияешь, чем кумир,
Засаленный неряшеством веков.
Пусть гордецов война собьет с коней,
Пусть с корнем вырвет каменщиков труд,
Живую запись памяти твоей
Ни Марсов меч, ни ядра не сотрут.
Беспамятству и смерти вопреки
Тебя укроет скромная хвала
В сердцах потомков, как ни далеки
Те, кто износит этот мир дотла.
Пребудь, пока на Суд не кликнут нас,
В стихах и в глубине влюбленных глаз.

66

Забвенья, смерть! забвения – кричу:
Здесь нищего не пустят на порог,
Здесь верность – на потеху палачу,
Здесь серость – благоденствия залог,
Здесь слава и почет злаченым лбам,
Здесь чистоту загубят ни за грош,
Здесь доблесть у позорного столба,
Здесь немощью в колодки вбита мощь,
Здесь вдохновенью опечатан рот,
Здесь неуч держит мастера в узде,
Здесь правда слабоумием слывет,
Здесь злоба присосалась к доброте...
Вот мир! его б я бросил, не скорбя.
Но на кого оставляю я – тебя?

73

Увы, ты видишь, увядает год:
В моих ветвях дрожащих – неуют,
Два-три листка желтеют, гололед,
На мертвых хорах птицы не поют.
Увы, ты видишь сумеречный свет:
Еще мой луч вечерний не погас,
Но ночь, как смерть, его сведет на нет,
На отдых опечатывая нас.
Увы, ты видишь отблески углей,
Одр смертный прогоревшего огня,
А чем питалось пламя юных дней,
То пепелищем сделало меня.
Пойми, куда сильнее любишь ты,
Когда стоишь у роковой черты.

90

Возненавидь, когда угодно – или,
Нет, если так, сегодня же, теперь,
Пока судьба да злоба не добили,
Стань наихудшей из моих потерь.
Наигорчайшей, только не последней;
Бей, только не в хвосте всех этих свор;
Ночную бурю зорькой беспросветной
Не увенчай, как плахой приговор.
Нет, если так, то первенствуй, иди –
А ты, душа, всю муку разом вызнай,
Чтоб все невзгоды, те, что впереди,
Одною стали бесконечной тризной.
Брось мне в лицо последние слова,
А там любое горе – трын-трава.

Дилан Томас
(1914-1953)

Процесс в погоде сердца

Процесс в погоде сердца жар на стынь
Меняет; золотой кистень
Крушит могильный лед.
Погода крови ночь сменяет днем
В артериях; их солнц огнем
И червь живой согрет.

Процесс в глазу оберегает ум
От слепоты; дав жизни ход,
Нисходит лоно в тлен.

Погода глаза делит пополам
То мрак, то свет; бьет море наобум
В безуглый материк.
Лишь половина вызревших семян
Ложится в грунт; берет другую в плен
Воздушный сонный ток.

Есть кость и плоть; одной погода – стынь,
А жар – другой; и живчик и мертвяк –
Лишь призраки, смущающие ум.
Процесс в погоде мира состоит
В размене призраков; всяк материнский плод
В двойной тени начала и конца.
Процесс вздувает сонмы солнц из лун,
Срывает кожу с высохших колен;
И сердце отпускает мертвеца.

Единым росчерком

Единым росчерком рука смела селенья,
Ополовинила поля;
Пять королей жизнь обложили данью
И низложили короля.

Пять властных пальцев, скрюченных артрозом,
За ними – немощь плеч;
Гусиное перо покончило с убийством,
Приканчивавшим речь.

Рука, черкнув пером, изъяла пищу,
Наслала саранчу с чумой;
Хвала руке, над миром предержавшей
Власть подписью одной!

Пять королей сплавляют гроб за гробом,
Не лечат ран, не гладят шелк волос;
Руке – что с сердцем совладать, что с небом;
Рука не сронит слез.

Смерти и выходы

В этот едва ли не самовозгорающийся канун
Нескольких близких смертей,
Когда из всех твоих возлюбленных хотя бы один –
И он всегда узнан – не сдержит разгон
Отлетающих вместе с дыханием львов и пламён;
Из всех твоих бессмертных друзей
Кто голоса разбудил бы всей считанной персти земной
Воспрять и славу тебе пропеть –
Тот один, кто воззвал всех глубже, будет хранить покой,
Не потревожив ни одной
Из своих бесчисленных ран,
Среди лондонских, отчуждающих многомужнее горе, стен.

В этот едва ли не самовозгорающийся канун,
Когда на твоих порогах и отмелях впопыхах
Убитых незнакомцев спелёнывает и расплетает бурун,
Один, кого невозможно узнать,
Звезда другого квартала, северный твой сосед
Канет по самые слёзы в солёный мрак.
Он свою росную кровь омоет в мужественных морях,
Тот, кто шагнул твоему мертвецу вослед,
Кто выпрастывает голову из ленты твоих вод
И каждым своим беззвучным “ах!”
Снаряжает жерла снарядов, с тех пор как свет
Вспыхнул в его взрывающихся глазах.

В этот едва ли не самовозгорающийся канун
Всех смертей и входов,
Когда свои и чужие раненые на лоне лондонских вод
Уже отыскали твой последний приют,
Враг, один из многих, хорошо знающий, как
Светится твоё сердце

В настороженной тьме, выбиваясь из шлюзов своих и пустот,
Выбьет засовы молний, замкнёт солнце,
Нырнёт, выкарабкается у затемнённых порогов твоих,
Отжигая всех рыцарей верных, покуда из мрака
Тот, один, возлюбленный меньше других,
Не проступит последним Самсоном твоего зодиака.

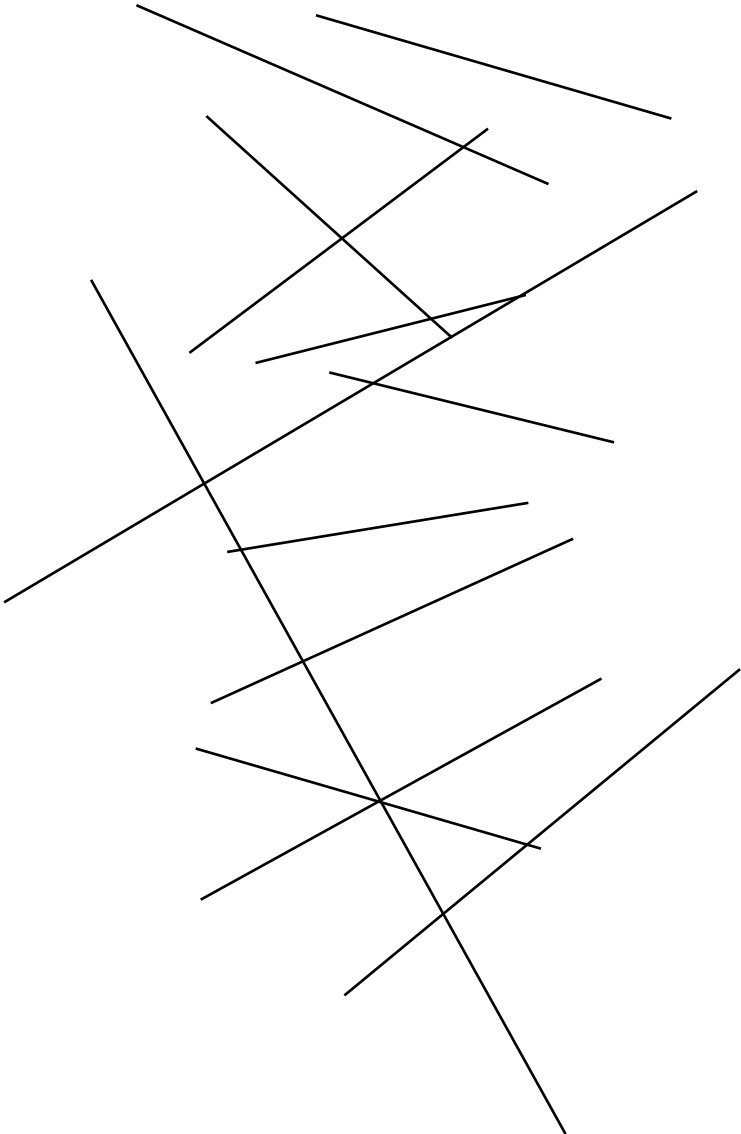
И смерть не удержит своих владений

И смерть не удержит своих владений.
Мертвецы, как один, отрясут свою ветхую плоть –
Войску ветра и закатной луны под стать,
Когда их чистые кости выступят в путь –
На локте звезда и у щиколотки звезда;
Их, безмозглых, достигнет благая весть,
Их, утопших, отринет морская вода;
Пусть любовники гаснут – не гаснет страсть;
И смерть не удержит своих владений.

И смерть не удержит своих владений.
Те, кто своё отлежал под изгибами толщ
В тени корабельных днищ;
Кто пляшет на дыбе, срывая жилу и хрящ,
Кто ремнем растянут на колесе;
Те, от чьей чистой веры осталась одна труха,
Кого прободает насквозь единорог греха, –
Встанут, разимые насмерть, неуязвимые все;
И смерть не удержит своих владений.

И смерть не удержит своих владений.
Больше не смеют им в уши чайки кричать средь зыбей,
И не взрывается на побережьях морской прибой;
Больше уже ни один цветок не позволит себе
В дождь запрокинуть голову под удары брызг;
Пусть каждый из них безмыслен и мёртв, как гвоздь,
Головы голых гвоздей собьются в цветущую гроздь;
Их в солнце вколотят – и солнце расколется вдрызг,
И смерть не удержит своих владений.

(с английского)

Владимир Бойко

Уильям Шекспир
(1564 -1616)

Сонет 66

Я так устал, что лучше сразу в гроб,
Когда рождается достойный нищим,
А торжествует только сытый жлоб,
И чистой веры на земле не сыщем.
Скрутили праведность в бараний рог,
И лишь в насмешку говорим о чести,
И силы покидают нас не в срок,
И не к лицу девицей быть невесте.
Искусству крепко власть заткнула рот,
Умельцем вертит свора бестолковых,
И вечно в дураках тот, кто не врет,
И зло глумится над добром в оковах.
Мне больше жить не хочется ни дня,
Но друг никак не сможет без меня.

Сонет 90

Бей, если хочешь, только нынче бей,
Когда весь мир мне платит тумачами.
Как злой судьбе, я покорюсь тебе,
Но не носи за пазухою камень.
Едва избавлюсь от житейских бед,
За ними вслед не появляйся тенью.
Не обрекай на пасмурный рассвет
Ночную бурю – вестницу паденья.
Уж если врозь, так мешкать ни к чему:
Еще последний час невзгод не прожит.
Расстанемся теперь, и я пойму,
Что тяжелее быть уже не может.
И нынешняя мнимая беда
Перед разлукой меркнет без следа.

**Уильям Карлос Уильямс
(1883-1963)**

Песня о любви

Что же тебе скажу,
Если придешь?
Вот
Лежу, а в мыслях – ты. Любви клеймо
На мир легло.
Желтым, желтым, желтым
Въедается в листву,
Мажет шафраном
Рогатые сучья,
Вонзенные
В багряный небосвод. И света нет –
Лишь медовый след
Льется в лист из листа,
За ветвью ветвь,
Цвета мешая
На всей земле. Я одинок.
Тяжесть любви
Возносит меня,
Пока головой
Не упрусь в небеса. Смотри же!
Струится с волос нектар –
Уносят его скворцы
На черных крылах.
Наконец
Плечи и руки мои
Отдохнут. Откуда мне знать,
Буду ли вновь тебя любить,
Как сейчас?

Как бы песня

Пусть замрет змея
под кустом,
и напишешь
слова, тягучие и быстрые,
хлесткие, терпеливые,
бессонные –
чтоб метафорой примирить
камни с людьми.
Сочиняй (не идеи –
предметы). Твори!
Цветок мой разрыв-трава
скалу пробьет.

Лью Уэлч
(1926 –1971)

***

Еще нет 40, а седеет уже борода.
Не проснулся еще, а краснеют и пухнут глаза,
словно в детстве от горьких слез.
Что может быть противней
вчерашнего вина? Побреюсь.
Голову суну в холодный родник и
на камушки погляжу.
Может, банку персиков съем.
Потом добыю остатки вина,
стихи попишу, пока не напьюсь опять,
а к вечеру, как поднимется ветер,
усну до тех пор, пока не увижу луну,
деревья во тьме
и лань на лугу, не услышу,
как спорят еноты.

Ричард Бротиган (1935–1984)

Открытка с моста

Осенняя река
чиста и холодна,
а рыбы зависают
в глубине
и не любят ни снов,
ни яви. Зависают рыбы
в речной глубине
и медленно переворачиваются,
как страницы
в старом альбоме
с фотографиями.

Последняя поездка

Умирать –
это как автостопом
приехать ночью
в незнакомый город,
где холодно,
льет дождь,
и ты опять
один.

Внезапно
все фонари на улице
гаснут,
и наступает
кромешный мрак,
такой,
что даже здания
боятся
друг друга.

30 центов, два билета, любовь

Думая лишь о тебе,
сел в автобус,
30 центов отдал за проезд,
попросил два билета,
но вдруг обнаружил,
что еду
один.

Уильям Берроуз (1914-1997)

Молитва Благодарения

Благодарим за индейку
и голубей перелетных,
дающих просратся
крепким
американским кишкам.

Благодарим за материк
на разор и потраву.

Благодарим за индейцев,
подвернувшихся, чтоб жизнь
медом не казалась.

Благодарим за тучные стада
бизонов – убить и шкуру снять,
а тушу бросить гнить.

Благодарим за льготы
на волков и койотов.

Благодарим за американскую
мечту – для фарса и
фальши, пока не засветится
голая ложь.

Благодарим за Ку-клукс-клан.
За стражей порядка, умеющих
грохнуть ниггера без проблем.
За прихожанок чинных
с их постными, пресными,
вздорными, мерзкими рожами.

За наклейки «Убей
пидора ради Христа».

Благодарим за лабораторный
СПИД.

Благодарим за сухой закон
и войну с наркотой.

Благодарим за страну, где
никому не позволят
не совать свой нос в чужие дела.

Благодарим за нацию стукачей.

В общем, благодарим за все
воспоминания – давай, покрепче
обнимаем!

Ты вечно пудрила мозги
и всегда нагоняла тоску.

Благодарим за последнее и
главное предательство последней
и главной человеческой
мечты.

Чарльз Буковски (1920 -1994)

что же нам делать?

бывает и доброта в Человечестве.
понимание, а порой даже
подвиги.
но в целом оно масса, бессмысленная
глыба.
оно как большое животное в спячке,
и вряд ли что-то его разбудит.
проснувшись, преуспевает в жестокости,
эгоизме, неправом суде, убийстве.

что же нам делать с ним, Человечеством?

да ничего.

просто держись от него подальше.
обращайся как с ядом, пороком,
абсурдом.
но будь осторожен. оно ввело законы,
чтоб защититься от тебя.
оно может убить без причины.
от него избавит лишь хитрость.
спасаются немногие.

ты должен сам придумать план.

я таких не встречал, кто спасся.

встречал великих и славных,
но и они не спаслись,
ибо славны и велики лишь в рамках
Человечества.

я тоже еще не спасен,
но не перестаю пытаться вновь
и вновь.

Стэнли Кунци (1905 -2006)

Комета Галлея

В первом классе мисс Мэрфи
мелом вывела ее название
на доске и сказала:
она грохочет по грозным трассам
Млечного пути со страшной скоростью,
а если собьется с курса
и врежется в Землю,
завтра не будет уроков.
Рыжебородый пророк с холмов
с безумной искрой в глазах
стоял в городском сквере
у края детской площадки,
вещая, что послан Богом
спасти всех нас,
даже малых детей.
«Покайтесь, грешники!» – кричал,
размахивая самодельным знаком.
За ужином стало грустно:
должно быть, последняя трапеза
с матерью и сестренками.
Но не сиделось на месте,
и едва прикоснулся к тарелке.
Тут мама меня отругала
и рано отправила спать.
Погрузилось в сон все семейство,
кроме меня. Никто и не слышал, как я
прокрался в подъезд и вскарабкался
по лестнице на свежий ночной воздух.

Ищи, Отец, меня на крыше
краснокирпичного здания
в начале Зеленой улицы –
здесь мы живем, ты же знаешь, на
верхнем этаже.
Я тот самый мальчик в белой пижаме,
который, на грубой кровле ничком,
изучает звездное небо
и ждет конца света.

Э. Э. Каммингс
(1894 -1962)

В городе вроде бы...

в городе вроде бы жил-был всяк
(плавали звонны где так и сяк)
в зиму весну лето осень
пел он безделье плясал дела

Жены с мужьями (малы да мелки)
были от всяка всегда далеки
сеяли небыль и жали всё то ж
солнце луну звезды дождь

дети-то знали (да многие ли?)
и те забывали покуда росли
в осень зиму весну лето)
что много помногу он всем никто

когда по сейчас древо по листку
его радость смеясь рыдая тоску
по снежинке птах по тишинке вихрь
всякое всяково всё для нее

неким каждые в самый раз
смеялись вслезь и трудились впляс
(спать встать ждать а потом)
проболтали явь и проспали сон

звезды дождь солнце луну
(и только снег объяснит что к чему
как детвора забывает запомнить
хоть звоны плывут и так и сяк)

однажды всяк лег кажется в гроб
(и никто не пришел целовать его в лоб)
суетливый народ хоронил рядком
мало помалу за былью былль

по глуби глубь одного на одном
и много помногу загрезят сном
всяк и никто по апрелям земля
по духу жажда и если то да

Муж ли жена ли (один за одну)
в лето осень зиму весну
сев свой пожнешь и приход свой уйдешь
солнце луну звезды дождь

Раймонд Карвер (1938-1988)

Спящий

Он спал за столом.
На скале.
На ногах.
На чьих-то коленках.
В автобусах спал, в поездах, самолетах.
Спал на посту.
На обочине спал.
Спал на мешке яблок.
Спал в платном туалете.
На сеновале.
В спорткомплексе.
Спал в «ягуаре», в кузове грузовика.
В театре спал.
В тюрьме.
На кораблях.
Спал в хижинах, и во дворце однажды.
Спал под дождем.
На солнцепеке спал.
На лошади верхом.
Спал в креслах, храмах, дорогих отелях.
Спал под чужими крышами всю жизнь.
Теперь вот спит под землей.
Не просыпаясь.
Как старый король.

(с английского)

Содержание

Илья Трофимов, лауреат.....	5
Алексей Зарахович.....	15
Ольга Ильницкая.....	23
Вадим Ковда.....	33
Аркадий Штыпель.....	53
Владимир Кравченко.....	65
Олег Карпенко.....	75
Наталья Богатова.....	81
Александр Евдокимов.....	93

Переводы

Юрий Денисов, лауреат.....	101
Алла Шарапова.....	117
Аркадий Штыпель.....	141
Владимир Бойко.....	151

Литературно-художественное издание

Живая литература
Стихотворения из лонг-листа премии

Свидетельство о государственной регистрации

ОГРН 309774627800931

Издатель Э. Б. Ракитская

Гарнитура «Newton С»

Формат 60 x 84/16

Объем 8 усл. п. л.

Тираж 100 экз.

Москва

2012

Контактные координаты издательства

тел. в Москве:

+7-906-704-68-73

+7-962-904-46-18

В Израиле: +972-52-203-70-88